

В этой подборке – статьи, посвященные **Жозефу Камбону**:

Е.В.Тарле, «СОЗДАТЕЛЬ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ»

С.Н.Коротков,

«БУРЖУА-МОНТАНЬЯР В РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯДЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА КАМБОНА»

«ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ХАРАКТЕР и ИТОГИ»

«О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВ В «РОЖДЕНИИ» НОВОЙ БУРЖУАЗИИ»

Материалы были подготовлены для веб-публикации и размещены **на сайте «Великая французская революция» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг.** Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

Евгений Викторович Тарле **СОЗДАТЕЛЬ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ**

Серьезнейший финансовый кризис, который переживает современная Франция*, оживил интерес к человеку, которого многие современники называли "спасителем Великой революции", - к Жозефу Камбону, с именем которого навсегда осталась неразрывно связанною история французских финансов в революционные годы. Вышедшая недавно биография Камбона, написанная Раулем Арно, впервые использовала обширный и до сих пор остававшийся неизвестным архивный материал.

Жозефу Камбону, сыну состоятельного фабриканта из Монпелье, было 33 года, когда разразилась революция 1789 г. С самого начала ее Камбон оказался на крайнем левом фланге движения. Аристократия и духовенство были для Камбона врагами, в борьбе с которыми были допустимы самые крайние средства. Монархию он еще до поры до времени соглашался терпеть, постольку король всецело подчинится политическому переустройству страны. Но уже с 1791 г., после попытки короля бежать за границу и его ареста в Варенне, Камбон решительно становится республиканцем. В сентябре 1791 г. он был избран депутатом Законодательного собрания, не переставал агитировать за свержение короля, за самые жестокие меры против эмигрантов, за беспощадную борьбу против контрреволюции, отовсюду, казалось, грозившей новым порядкам. Но главным его интересом сделались финансы государства. Положение казалось отчаянным. Старая власть на местах была уничтожена, новая только нарождалась. Дело взимания податей и налогов находилось в руках муниципалитетов и местных выборных учреждений, которые, не желая ссориться с населением, фактически ничего ни с кого не взыскивали, да и не могли взыскать, не имея сколько-нибудь организованной полицейской силы. Таможенные доходы сократились до нуля, торговля и промышленность переживала очень серьезный кризис, казна была пуста. При этих условиях еще с 1782 г. начали выпускать ассигнации, обеспеченные земельным фондом, который решено было отобрать у церкви. Но потребности государственного бюджета так росли, а поступления были столь ничтожны, что приходилось все чаще и чаще производить эмиссию бумажных денег, которые начали заметно падать в цене.

С конца 1791 г. Камбон стал фактическим руководителем и управителем французских финансов.

Наступали самые трагические времена Французской революции. Сначала Камбон примкнул к жирондистам, но с каждым месяцем все более и более сближался с радикальной частью собрания - монтаньярами. При низвержении монархии 10 августа 1792 г., при вотировании вопроса о казни Людовика XVI (в январе 1793 г.), наконец, при решительной схватке жирондистов с монтаньярами в мае 1793 г. Камбон неизменно шел с наиболее радикально настроенными элементами. Управление финансами всецело переходит в его руки.

С 1793 г. Камбон окончательно утвердился на той мысли, что, воюя с Европой, борясь со страшным монархическим восстанием в Вандее, в Лионе, на юге, окруженная со всех сторон разъяренными врагами революция может спастись, лишь прибегая к

* Статья написана в 1927 г. Последняя публикация - в кн. "Из литературного наследия академика Е.В.Тарле". М. "Наука". 1981. Ссылки на труды Е.Тарле и важнейшие материалы о нем, размещенные в Интернете: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#tarle>

произвольному, даже ничем не обеспеченному выпуску ассигнаций, чего бы подобная мера ни стоила в последствии. Принудительный курс ассигнаций, конфискация земель всех эмигрантов и имущества некоторых категорий казненных - все должно было быть пущено в ход для того, чтобы задержать совершенно неизбежное, в конечном счете полное обесценение ассигнаций и дать революции время и возможность покончить с ее внешними и внутренними врагами.

Гравировочная доска сделалась главным орудием спасения. Одна эмиссия следовала за другою, и по мере того как возрастали потребности, возрастали и суммы выпускаемых Камбоном бумажных денег. Уже весной 1792 г. в обращении было ассигнаций на 1,5 млрд. франков. В октябре 1792г. Камбон выпустил еще на 400 млн., в ноябре - на 600 млн., в декабре - на 300 млн., в январе 1793 г. - на 800 млн. Дальше эмиссии шли непрерывно, гора бумажных денег становилась все выше и выше.

Нужно сказать, что Камбон ввел железную дисциплину и самый суровый порядок и отчетность во все управление этой огромной финансовой машиной.

С сентября 1793 г. Камбон прибегнул также к принудительному займу: при 3000 франках годового дохода должно было отдавать 600, при 9000 - ровно половину, 4500, а весь доход свыше 9000 франков должен был всецело идти на этот заем. Одновременно целым рядом предложенных им декретов Камбон старался либо вовсе аннулировать старые государственные долги, либо поставить кредиторов в такие условия, чтобы они сами воздержались от предъявления своих претензий.

Камбон поддерживал Робеспьера и считал, что террор необходим для борьбы за республику, но лично он не любил Робеспьера, подозревал его в стремлениях к единоличной тирании, и всемогущий диктатор это знал. Борьба между ними была неминуема. Если бы Камбон совершил хоть самую небольшую неосторожность весной 1794 г., во время суда и казни Дантона, Камилла Демулена и других, он, конечно, был бы казнен. Может быть, спасло его и то обстоятельство, что сам Робеспьер совсем не разбирался в финансовых вопросах и решительно не знал, кем можно было бы заменить Камбона. Да и вообще в Конвенте, кроме Камбона, людей, понимающих финансы, не было. Не нравился Робеспьеру председатель комитета финансов, и он ждал случая отправить его на гильотину. Он не любил Камбона, между прочим, за атеизм: сам Робеспьер считал почему-то атеизм аристократическим учением.

Развязка пришла в термидоре (в конце июля) 1794 г. Решившись одним ударом отделаться от еще остававшихся в Конвенте неудобных людей, Робеспьер напал 8 термидора на Камбона, на Карно, на Барера. Камбон уже совсем приготовился к гибели. В эти страшные для него дни он, не имея времени писать письма (да и боясь делать это), посылал своей матери в провинцию ежедневно газету и таким образом давал ей знать, что он жив. Но в ночь с 8 на 9 термидора он приписал на полях газеты следующие слова: "Завтра один из нас умрет - я или Робеспьер".

Девятое термидора его спасло. Робеспьер был арестован и на другой день, 10 термидора, казнен.

Но тотчас же после гибели Робеспьера Камбон убедился, что, сохранив свою голову, он тем не менее должен считать свою историческую карьеру законченной. Уже очень скоро он увидел, что с точки зрения политических принципов ему Робеспьер был несравненно ближе, чем победители Робеспьера, овладевшие властью после гибели революционного диктатора.

"Умри, Камбон, умри как можно скорее, а иначе ты сам сможешь насладиться этим прекрасным зрелищем и увидеть, как тебя на телеге повезут к твоей могиле!" - писал вскоре после гибели Робеспьера журналист Серизи. Паника овладела в это время многими людьми, которые при жизни Робеспьера были покорными его слугами. Теперь они всячески старались порочить его память, отрекались от него и низкопоклонствовали перед новыми владыками. Напротив, Камбон, державший себя всегда независимо при жизни Робеспьера, чуть не погибший от руки Робеспьера, теперь не переставал при всяком случае показывать, что он остается верен своим якобинским убеждениям и ничуть не отрекается от своей всегдашней ненависти ко всем врагам революции. Новые властители ненавидели его, но тоже не знали некоторое время, кем его заменить. "Финансист террора", как его называли, продолжал еще некоторое время управлять французскими финансами. Теперь на него всецело вваливали падение ценности

бумажных денег, вздорожание жизни и т.д. Весною 1795 г. состоялся декрет об его аресте (хотя вплоть до того времени он продолжал принимать деятельное участие в управлении финансами).

Ему удалось избежать ареста, и долгие месяцы он скрывался у друзей. Только в 1798 г., после амнистии, он мог удалиться к себе в небольшое имение на юге. Его карьера была закончена. Наполеон хотел было взять его к себе на службу. "Твой хозяин нуждается только в приказчиках, я не подойду для его службы", - так ответил он Камбасересу, своему старому другу, пошедшему служить Наполеону.

В течение всего наполеоновского царствования он прожил в глуши, никого не видя, никуда не выезжая, даже не читая газет. Военный деспотизм Наполеона ему был глубоко враждебен. Тем не менее когда Наполеон вернулся с Эльбы, в 1815 г., Камбон, колеблясь, стал на его стороне против Бурбонов, в которых он видел еще больших врагов революционных принципов, чем Наполеон. После битвы при Ватерлоо и вторичного возвращения Бурбонов Камбон должен был отправиться в изгнание.

В изгнании, в Бельгии, старый якобинец и умер в 1820 г. До последних минут жизни он оставался непоколебимо верен своим революционным убеждениям. Он категорически воспретил хоронить себя по церковному обряду и ставить крест на своей могиле.

Это была цельная, суровая, величавая историческая фигура. Никогда не знал он и минуты колебания или раскаяния. Традиция Великой французской революции оттого, между прочим, и действовала так сильно на молодые поколения начала и середины XIX в., что в ней сохранялась и всячески культивировалась память о таких людях, как Камбон.

Сергей Николаевич Коротков

БУРЖУА-МОНТАНЬЯР В РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯДЫ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖОЗЕФА КАМБОНА

Статья опубликована в межвуз. сб.

«Политические деятели античности, средневековья и нового времени.

Индивидуальные и социально-типические черты». Л., изд-во ЛГУ. 1983. С.73-79.

В годы Великой французской революции буржуазия выдвинула небольшую, но очень интересную группу государственных деятелей, которых можно определить как буржуа-монтаньяров. Они отличались от буржуазных интеллигентов и являлись, по определению Ж.Жореса, "чистыми" буржуа. Особенности этого типа можно охарактеризовать на примере Жозефа Камбона, эволюция взглядов которого в целом отражала эволюцию идеологии класса. "Финансист Конвента" Камбон хорошо представлял, по мнению А.Собуля, монтаньярскую, порой крупную буржуазию (7, с.29).

Краткий биографический очерк о Камбоне был написан Е.В.Тарле в 1927 г. и недавно переиздан (8, с.77—80), поэтому приведем лишь самые необходимые биографические сведения.

Ж.Камбон (1756—1820) родился в богатой буржуазной семье в Монпелье. Уже в 1785 г. он стал учредителем новой компании "Братья Камбон и К°", в которой и приобрел богатый опыт работы финансиста, впоследствии очень ему пригодившийся. Камбоны принимали активное участие и в политической жизни Лангедока и Монпелье. Они участвовали в составлении наказов Генеральным штатам, в которых выдвигались требования запрещения торговли иностранцев и учреждения протекционизма. Доля личного участия Камбонов в выработке этих положений не известна, но нельзя не учитывать того, что Камбон-отец считался "руководителем третьего сословия Монпелье" (9, р.10—11).

После избрания в Генеральные штаты (14, т.I, р.24) Ж.Камбон приехал в Версаль и, хотя и не был признан полноправным депутатом, остался там, бросив все дела, чтобы "целиком окунуться в революцию". Камбон оказался в самой гуще политических событий, что, несомненно, способствовало дальнейшему формированию его политических взглядов. В начале революции среди французов сильны были монархические настроения, не чужды они были и Камбону. Так, 19 июня 1790г. он в верноподданническом письме называет короля "отцом свободы". Но уже через год, после бегства Людовика XVI, Камбон как председатель якобинцев Монпелье пишет в

в Конституанту: “Сделайте Францию республикой, это вам не будет трудно” (12, р.103). Позднее, в 1793 г. он не только проголосует за казнь короля, но и выступит против отсрочки исполнения приговора.

Вернувшись в январе 1790 г. в Монпелье, Ж.Камбон был сразу же избран в муниципалитет и вскоре создал Общество друзей равенства, аффилированное с Якобинским клубом, из которого тогда еще не вышли умеренные. (Членом парижского клуба якобинцев Камбон никогда не был.) Политическая карьера Камбона была характерна для будущих монтаньяров. А.Тибодо, например, вернувшись в Пуату из Версаля, куда он провожал отца-депутата, также открыл патриотический клуб, который распространял среди сограждан “священный огонь свободы”. Затем, как и Камбон, он становится заместителем прокурора и прокурором коммуны. В 1792 г. Тибодо избирается в Конвент от департамента Вьенн и занимает место среди монтаньяров, хотя и не отличается там особенной активностью (17, t.1, р.7—8).

В 1791 г. была принята Конституция и назначены выборы в высший законодательный орган — Легислативу. В связи с тем, что Камбон не был полноправным членом Конституанты, он был избран в сентябре 1791 г. в Легислативу и с 5 декабря фактически стал управлять финансами всей страны.

Находясь во главе комитета финансов Легислативы и Конвента более трех лет, Камбон был энергичен, боролся со злоупотреблениями, предлагал проекты финансовых и экономических реформ, особенно настойчиво добиваясь использования церковной собственности (Камбон был атеистом). Однако положение в стране становилось все более и более тяжелым. К старому государственному долгу добавлялся ежегодный дефицит бюджета. Начавшаяся вскоре война требовала огромных расходов, между тем старые источники доходов были утрачены, а новые налоги собирались не полностью из-за несовершенства работы государственного аппарата.

Глава финансов попытался определить причины финансового кризиса. Кроме политических причин Камбон выделил три обстоятельства: неопределенность государственного долга; замедление поступлений из-за переустройства налоговой и административной системы; существование ассигната и падение его стоимости (9, р.97-98). С присущими ему решительностью и изобретательностью Камбон начал борьбу с кризисом. В частности, он провел запись государственного долга, значительно его при этом сократив. Однако всех проблем решить не удалось: дефицит по-прежнему покрывался выпуском бумажных денег. Обеспечением ассигната служили так называемые национальные имущества: имущество короля, церкви и эмигрантов.

Еще 2 ноября 1789 г. по предложению Талейрана Конституанта приняла декрет, по которому все церковные имущества поступали в распоряжение нации. Камбон, уделяя большое внимание обеспечению ассигната, неоднократно писал о необходимости секуляризации, выражая удовлетворение ускорением работы Комитета национальных имуществ (13, р.39—40,42). 9 февраля 1792 г. он побудил Собрание декретировать, что имущество эмигрантов, “врагов родины и национального суверенитета” национализируется (15, t.II, р.344). Это открыло серию карательных мер против эмигрантов.

При определении порядка продажи национальных имуществ возникли споры. Земельные имущества продавались с торгов крупными участками, т.е. дорого, и поэтому доставались, главным образом, богатым покупателям. Некоторые депутаты, считая, что главный вопрос революции — социальный, требовали дробления участков, но эти депутаты составляли меньшинство, и буржуа-монтаньяров среди них не было. Камбон сам производил крупные покупки и призывал других следовать своему примеру. “Будем ли мы последними, господа, — обращался Камбон к членам Генерального совета Монпелье, — подражая этому патриотическому примеру? Будем ли мы последними в получении барышей от выгоды такой спекуляции?” (16, р.313,315). Как видим, “патриотизм” и выгоды от спекуляций в годы революции стояли для буржуазии рядом.

К середине 1793 г. большая часть церковных имуществ была продана, но продажа эмигрантских шла хуже — опасались возвращения старых хозяев. Камбон же призывал покупать эти земли: “Вы потеряете земли, говорите вы, если наступит контрреволюция, но тогда вы потеряете все. Берите мушкет, защищайте Республику и вы не будете бояться эмигрантов, вы станете собственниками в счастливом мире” (16, р.320, 324).

Как уже говорилось, среди буржуазных политиков революции Ж.Жорес различал “чистых буржуа” и буржуазных интеллигентов. У последних, по Жоресу, были более возвышенные и бескорыстные идеалы, ибо они были идеологами, историческая задача которых — организация буржуазного строя, а не содействие своекорыстным интересам владельческой буржуазии. Ратуя за укрепление частной собственности, они во имя общих интересов революции и блага нового общества склонны были требовать от собственников больших жертв, обуздывать их алчность и проводить широкие социальные и политические реформы в интересах народа, ибо были носителями идей революционной демократии в целом, в которой еще не произошло разделения на социально враждебные классы (2, с.15).

Последнее утверждение Жореса нам представляется неверным: социальное расслоение в годы революции было явным. Вместе с тем буржуазия шла на определенные жертвы ради революции. Так, Камбон выступил защитником принудительного займа на богатых в 1 млрд. ливров. Объясняя буржуа необходимость этой “жертвы”, он говорил: “Ты богат... Я хочу уважать твою собственность, но я хочу вопреки тебе самому связать тебя с революцией, я хочу, чтобы ты ссудил свое состояние республике, и когда свобода будет установлена, республика вернет тебе твои капиталы” (10, t.27, p.150).

Камбон не был буржуазным интеллигентом или, как пишет о нем Ж.Мишле, “совсем не был философом, это человек дела, негоциант” (12, p.103), его задача состояла в содействии “своекорыстным интересам буржуазии”.

Как государственного деятеля Камбона занимали прежде всего экономические проблемы; к социально-политическим вопросам он обращался лишь по необходимости, стремясь при этом разрешить их “просто” и сугубо рационально. Так, озабоченный тяжелым положением финансов, он предлагал прекратить выплату жалования священникам, против чего выступили почти все наиболее видные деятели революции, справедливо указывая на возможные опасные последствия такого шага. Иногда “казначей” неожиданно оказывался левее большинства даже монтаньярского Конвента. 11 февраля II г. он предложил ввести принудительный обмен звонкой монеты на ассигнаты — меру, которой добивались санкюлоты (7, с.109). Однако это предложение принято не было.

Хотя буржуазия охотно покупала национальные имущества, ассигнат падал: уже в 1793 г. он стоил меньше половины своей номинальной стоимости, а в середине 1794 — 30%. Что это — неудача финансиста Конвента? В литературе было широко распространено мнение о Камбоне как о довольно посредственном финансисте. Так считали А. Матьез, р.Стурм, Ш. Гомель и др. Нет ничего более несправедливого, как отмечает один из немногих биографов Камбона Ф.Борнарель, “чем мнение тех, кто его представляет финансистом, умение которого состояло в умножении выпуска ассигнатов” (9, p.95). Действительно, как мы видели, Камбон понимал пагубность безудержной эмиссии, предлагал меры по спасению ассигната, предлагал даже принудительный обмен звонкой монеты на ассигнаты. Дело в том, что национальные имущества выкупались в рассрочку, при такой стремительной инфляции это означало фактическое снижение стоимости. Новые владельцы выплатили лишь 10% стоимости, причем за свои небольшие участки крестьяне расплачивались быстрее буржуа. Камбоны до конца использовали рассрочку и таким образом поправили свои финансовые дела. Камбон “энергично и целенаправленно проводил политику инфляции” (5, с.224; 11, p.30), которая способствовала обогащению буржуазии.

В период борьбы с роялистами и конституционалистами (как, впрочем, и в борьбе с Повстанческой Коммуной 10 августа) Камбон был с жирондистами, расходясь, правда, с ними по многим вопросам. Так, Камбон решительно выступал против федерализма (15, t.14, p.47). Что же касается области экономики, то здесь Камбон полностью расходился во взглядах с жирондистами — фритредерами и антиэтатистами. “Сторонник централизма и единства управления” (Ж.Жорес) Камбон поддерживал создание продовольственной комиссии, считая, что причина нехватки хлеба в том, что покупает его не государство, а отдельные муниципалитеты (10, т. 20, p.175).

В борьбе Горы и Жиронды Камбон, желая лишь примирения, примыкал к Горе, защищая, например, чрезвычайный налог на богатых. Камбон был членом первого

Комитета общественного спасения (КОС). Когда лидер жирондистов Бриссо обвинил КОС в хищениях, Камбон вынужден был защищаться и оказался в лагере противников жирондистов (12, p.106; 16, p.322).

Для защиты завоеваний революции буржуазии необходим был союз с народом. Камбон также был готов на некоторые временные уступки народу, отстаивая при этом, как мы видели, неприкосновенность частной собственности.

К “регулированию” права собственности и к “жертвам” призывали и другие буржуазные революционеры. Фабр, например, говорил: “Собственность, без сомнения, святое право, но общество может регулировать его выполнение; каждый должен в общих интересах <принести> небольшую жертву из своей собственности, чтобы спокойно пользоваться тем, что останется” (10, v.20, p.172). Ему вторил Дантон: “Чем крупнее будут жертвы, тем больше уверенности в том, что собственность будет сохранена и останется неприкосновенной” (1, с.51).

После победы народного восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. в Париже и изгнания жирондистов Камбон остался во главе комитета финансов. Это говорит о том, что монтаньярами были и крупные буржуа. Камбон был решительным защитником буржуазной революции и сразу же поддержал предложение о создании революционного правительства. Но его отношения с Парижской коммуной были враждебными. Камбону были чужды мелкобуржуазные эгалитаристские идеи якобинцев; что же касается взглядов эбертистов, то они вызывали у него лишь страх и ненависть. Камбон нападал на народные общества, “правонарушения которых, по его мнению, могли быть рассмотрены только в трибунале” (15, t.11, p.430). В появлении в восстании 10 августа зачатка власти “низов” вся буржуазия увидела угрозу. Камбон называл парижские власти не иначе как “узурпаторскими” и “диктаторскими” и требовал их примерно наказать (15, t.14, p.47; 2, с.8, 12). Надо сказать, что деятельность казначейства не отвечала интересам санкюлотов и подвергалась суровой критике эбертистов.

Камбон был монтаньяром, но примыкал к их правому крылу, отражавшему интересы крупной и средней буржуазии. Правые монтаньяры, социальные убеждения которых были весьма консервативны, занимали ряд важнейших государственных должностей. Среди якобинцев было много деятелей левых взглядов, но они имели слабое влияние на правительство, в КОС господствующее положение занимала центристская группировка Робеспьера (4, с.10—11, 152—158).

Внутри якобинского блока существовали определенные противоречия; их углубление, а также усиление разногласий между правительственными комитетами и внутри КОС способствовали созреванию политического кризиса, приведшего к перевороту 9 термидора. Первым, кто прямо выступил против Неподкупного, был Камбон, обвиненный Робеспьером в знаменитой речи 8 термидора в заговоре и контрреволюции (6, т. III, с.225). Камбон с трибуны Конвента заявил: “Пора сказать всю правду: один человек парализовал волю всего Национального собрания; это человек, который только что произнес здесь речь, — это Робеспьер” (3, с.586). Столкновения Камбона с Робеспьером были, безусловно, не только личного характера. Комитет финансов был наименее зависим от КОС, Камбон бдительно охранял его от вмешательства мелкобуржуазных эгалитаристов, какими были робеспьеристы.

А вечером 8 термидора на газете, которую он с некоторых пор каждый день посылал домой, чтобы дать знать, что еще жив, Камбон написал: “Завтра или я, или Робеспьер, один из двух будет мертв” (16, p.327—328). Камбон не был заговорщиком, но “термидорианцем” был.

После термидорианского переворота Камбон, “честный буржуа” и сторонник “организованного” обогащения, оказался неудобен. После жерминальского восстания был издан приказ об его аресте, но Камбону удалось скрыться. После амнистии он поселился в своем имении, затем был наполеоновским префектом, последний раз он появился на политической сцене в период Ста дней. Как “цареубийца” Камбон был изгнан и умер в Бельгии в 1820 г.

Подведем некоторые итоги. Буржуа-монтаньяры были плоть от плоти буржуазии, они последовательно защищали ее интересы. В годы революции их взгляды не могли остаться неизменными, и мы видели, как их типичный представитель Камбон из монархиста превратился в республиканца, из жирондиста в монтаньяра. Эти люди были очень гибкими политиками, хорошо понимающими суть происходящего. Камбон явился одним из государственных деятелей того нового типа, появление которого связано с выдвиганием буржуазии на первый план политической жизни.

1. Дантон Ж.-Ж. Избр. речи. Госиздат Украины, 1924. (полный текст в нашей библиотеке: <http://narod.ru/disk/9257686000/danton.pdf.html>)
2. Жорес Ж. История Конвента. М.; Пг., 1920.
3. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. материалов и документов. М., 1927.
4. Ревуненков В.Г. Парижская коммуна 1792—1794. Л., 1976.
5. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789—1792. Л., 1982.
6. Робеспьер М. Избр. произв. М., 1965, т. 1—3.
7. Собуль А. Первая республика 1792—1804. М., 1974.
8. Тарле Е.В. Создатель бумажных денег. — В кн.: Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. М., 1981.
9. Bornarel F. Cambon et Revolution francaise. Paris, 1905.
10. Buchez Ph. et Roux p. Histoire parlementaire de la Revolution francaise. Paris, 1834—1838, t.1—40.
11. Histoire economique et social de la France. Paris, 1976, t.3, vol. 1.
12. Kuscinski A. Dictionnaire de conventionneles. Paris, 1919.
13. Lettres de Cambon et autres envoyes de la ville de Montpellier de 1789 a 1792. Montpellier, 1889.
14. Proces-verbal de l'Assemblée de communes et de l'Assemblée nationale. Paris, 1789.
15. Reimpression de l'ancien Moniteur. Paris, 1847—1850, t.1—31.
16. Saumade G. Cambon et sa famille acquireures de biens nationaux. — Annales d'histoire de la Revolution francaise, 1939, N 93—94.
17. Thibaudeau A. c. Memoire sur la Convention et le Directoire. Paris, 1824, t.1—2.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ХАРАКТЕР и ИТОГИ

Статья опубликована в сб.
«От старого порядка к революции»
Л.: Изд-во ЛГУ. 1988. С.93-112.

Финансовый кризис Старого порядка единодушно рассматривался историками самых разных направлений как одна из важнейших предпосылок Великой французской революции. Революция оказалась переломным моментом в деятельности финансового аппарата, появилось много нововведений в финансовую практику, и все это "новое" нуждается в характеристике.

Франция испытывала серьезные экономические и финансовые проблемы в XVII в.(1) XVIII в., казалось, начинался вполне благополучно для королевского казначейства. Экономический и демографический подъем XVIII в. благотворно сказался на французском бюджете. Государственные доходы увеличились. Так, если в 1726 г. они составляли 181 млн. ливров, то в 1751 г.-285,5, в 1775 г. - 377,2, а в 1788 г. - 471,6 млн. ливров(2). Расходы также возросли, но в первой половине XVIII в. они, как правило, не превышали доходов. Расходы в 1726 г. составили 182,3 млн., в 1751 г. - 256,3, в 1775 г. - 411,4, в 1788 г. - 633 млн. ливров(3). Однако это не свидетельствует о полном здоровье государственных финансов. Уже в XVII в. чрезвычайные доходы стали важнейшей частью доходных статей бюджета. В XVIII в. прямые налоги не превышали 40% всех поступлений. Среди расходов самыми крупными оказались выплаты процентов по займам и покрытие долгов (30% всех расходов в 1726- 1751 гг. и до 40% в 1775-1788 гг.). Дефицит в 1775 г. составил 34,2 млн. ливров при том, что выплаты по долгам достигли 154,4 млн., т.е. их сумма превосходила дефицит почти в пять раз. Государственный долг

порождал ежегодные дефициты. К началу правления Людовика XVI долг достиг 1,5 млрд. ливров.

О серьезности положения свидетельствует отчет генерального контролера финансов аббата Террэ молодому королю. Террэ, который в своей деятельности добился определенных успехов и чья оценка, как отмечает Э.Фор, "не лишена объективности", выделил два основных обстоятельства, которые следовало учитывать, чтобы добиться дальнейшего оздоровления финансов: 1. Налоговое обложение доведено до максимума: "Все виды доходов достигли самого высокого уровня", следовательно, уже не остается нормальных и разумных средств, чтобы бороться с дефицитом; 2. Необходимость ослабить налоговое давление, "освободить народ от части налогов, которые его совсем раздавили"(4).

Новым генеральным контролером финансов король назначил Тюрго, бывшего лиможского интенданта, крупного ученого, обладавшего большим практическим опытом. У Тюрго был план широких реформ, он намеревался даже ликвидировать налоговые привилегии духовенства и дворянства. Тюрго готовил реформу налоговой системы, которая ему представлялась необходимой для экономического роста страны. Эта реформа требовала создания местной администрации, способной положить конец, глубоко порочной системе сборщиков налогов(5). Очевидно, что фискальные проблемы подводили к мысли о необходимости изменения политической системы, но столь радикальные планы, разумеется, натолкнулись на сопротивление.

Тюрго планировал сокращение государственных расходов. Три крупные бюджетные статьи той эпохи способны были выдержать значительные и регулярные сокращения: военные расходы, расходы королевского двора и финансового управления в целом. Тюрго удалось улучшить и удешевить работу финансового управления, он даже сумел сократить военные расходы(6), но с расходами королевского двора ему справиться не удалось. В мае 1776 г. Тюрго получил отставку. Такая же участь постигла его преемника Неккера в 1781 г., когда он, опубликовав отчет о состоянии финансов (прежде Неккер фальсифицировал отчет, скрыв наличие дефицита в бюджете), показал расточительство двора.

В годы войны в Америке, в которой Франция выступила против Англии на стороне ее восставших колоний, государственный долг увеличился более чем вдвое. В 1783 г. доходы составили 505 млн., а расходы достигли 555 млн., 205 из которых шли на покрытие долга(7). Положение заставляло правительство маневрировать. Вернулись к планам Тюрго и Неккера. Новый генеральный контролер Калонн предлагал ввести поземельный налог, который бы платили и привилегированные сословия, создать общинные собрания и т.п. Вынести решение этих вопросов на суд собрания нотаблей (1787) королю посоветовал Калонн. Собрание нотаблей отказалось утвердить новый налог, а Калонн был обвинен в злоупотреблениях. Таким образом, привилегированные сословия отказывались признать принцип равенства налогообложения, а без обложения дворян и духовенства решить финансовые проблемы было невозможно. Финансовый кризис, вызванный резко возросшим долгом потерявшего всякий кредит правительства, стал главной причиной кризиса "верхов" накануне революции. Как писал Ф.Фюре, "наконец финансовый кризис Старого порядка принял настоящий размер: это кризис общества"(8). Финансовый кризис ярче выявил противостояние плативших налоги представителей третьего сословия и привилегированных(9). Росло недоверие к неспособному решить эту проблему правительству, что нашло свое отражение в наказах Генеральным штатам, которые вынужден был созвать король. Не только указы третьего сословия требовали проверки состояния финансов, равенства налогов и ликвидации различных привилегий. Дворянские указы выдвигали требование отменить прежние налоги и заменить их новыми, изменить систему их сбора, ликвидировав откупную систему и прекратив продажу должностей. сборщиков налогов, требовали экономии государственных средств. Часть дворянских наказов провозглашала принцип равенства как между сословиями, так и между провинциями, областями, городами(10).

Мирабо накануне революции язвительно называл долг национальным достоянием, а Камилл Демулен, уже после того, как революция началась, - "благословенным"(11). Современники революции прекрасно видели серьезность финансовых проблем. В 1789 г. перед открытием Генеральных штатов большие надежды связывались с выступлением

Неккера, который "должен был, по крайней мере на это надеялись, проникнуть в сердце самых интересных и актуальных вопросов"(12). Однако надежды не оправдались: Неккер отводил депутатам незначительную роль послушных проводников новых займов и налогов.

Финансовые проблемы сыграли свою роль и в событиях 14 июля. Судя по заметкам одного английского путешественника, 11 июля депутаты были обеспокоены сведениями, что "двор решился освободиться от контроля Собрания, нанести окончательный удар возрастающему сопротивлению народа и отказаться от общественных долгов". Вечером того же дня в театре (представление было отменено из-за отставки Неккера) узнали, как пишет доктор Ригби, "что министерство образовано из более смелых людей. Это министерство решило рисковать всем, чтобы сохранить неограниченную власть двора. Наш образованный спутник М. Dailos сказал: "Мы знаем все, что предполагается потом: завтра будет объявлено банкротство, и повиновение народа утвердится на кончике штыка. Мы знаем планы двора; мы видим военные приготовления..."(13). Не случайно 13 июля Учредительное собрание торжественно провозгласило, что ужасное слово "банкротство" никогда не будет произнесено(14). Однако именно в ходе революции банкротство произошло и было признано.

Начавшаяся революция не смогла решить сразу все финансовые проблемы. Напротив, финансовый кризис усугубился. В апреле 1789 г. русский посол Симолин в своем донесении из Парижа писал, что "двор и общество заняты в настоящий момент исключительно приготовлениями к созыву Генеральных штатов. По мере того как идут выборы, появляются наказания, и всех теперь объединяет стремление погасить национальный долг, восстановить кредит и уничтожить дефицит. Если это будет сделано, то Франция вскоре же выйдет из всех своих затруднений"(15). Симолин надеялся, что с созывом Генеральных штатов финансовое положение улучшится, наступит прекрасное для монархии время. Надежды эти не сбылись, поскольку депутаты не стали игрушками в деле решения проблем королевского правительства. Созыв Генеральных штатов, провозгласивших себя 17 июня Национальным собранием, стал для абсолютизма роковым.

В сентябре 1789 г. Симолин с раздражением писал об обостряющемся финансовом кризисе во Франции: "Так как со времени революции 12 июля налоги более не собираются, то все источники доходов иссякли, а Национальное собрание бесплодно теряет время вместо того, чтобы заняться воссозданием доверия и кредита и восстановлением финансов. При виде всего, что происходит, невольно думаешь, что Генеральные штаты были собраны только для разрушения государства"(16).

Фискальная система была, действительно, парализована уже в 1789 г. Страна требовала налоговой и широкой финансовой реформы. Однако все предложения о ликвидации налоговых льгот дворянства и духовенства и до созыва Генеральных штатов, и в первые дни их работы отвергались. Чтобы сдвинуть вопрос с мертвой точки, потребовалось решительное вмешательство народных масс. Но, приняв решение о необходимости налоговой реформы, законодатели до завершения ее подготовки оставили изжившую себя старую систему. В итоге казна уже в 1789 г. недополучила более 100 млн. ливров, а в 1790-1791 гг. (за два года) все доходы составили всего лишь 700 млн. ливров(17). "Налогоплательщики после декларации 4 августа и даже раньше не платили больше ничего или почти ничего; "барьеры страны габели" были уничтожены, агенты фиска бежали, а их жилища были разграблены и сожжены, повсюду была организована вооруженная контрабанда, капиталы испарились, эмиграция увлекла большую их часть; наконец, в казне осталось менее 20 млн."(18). Старые налоги, которые должны были просуществовать до конца 1792 г., крестьяне отказывались платить, а роль сборщика налогов часто была опасной(19).

Для покрытия торжественно признанного Учредительным собранием государственного долга была создана Чрезвычайная касса. Сборщики налогов в дистриктах законом 22 апреля 1790 г. были ответственны перед Чрезвычайной кассой за два важнейших источника доходов: национальные имущества (конфискованные имущества короны, церкви и эмигрантов) и патриотическое обложение. С начала 1791 г. они должны были посылать в Чрезвычайную кассу все реализованные фонды. "Мы знаем,-отмечал Ф.Бриффо,-что с этого времени налоги давали мало или даже

отсутствовали; Чрезвычайная касса выдерживала, таким образом, большинство национальных расходов"(20).

Особенно тяжелым стало положение после вступления Франции в апреле 1792 г. в войну с европейскими державами, требовавшую огромных расходов (хотя один из лидеров жирондистов Бриссо заявлял, что война необходима для восстановления финансов, "ибо именно Кобленц бьет по нашим чрезвычайным доходам, поглощает драгоценные ресурсы ассигнатов. Война нужна, чтобы восстановить общественный кредит")(21). С начала 1792 г. декрет предоставил в распоряжение военного министерства сумму в 20 млн., чтобы содействовать первым военным приготовлениям(22). С 22 июля, дня объявления "Отечества в опасности", - уже все средства шли на оборону(23). С этого времени комиссары казначейства менее всего "тревожат" сборщиков налогов по поводу ординарных налогов, поступление которых фактически прекратилось, но требуют ускорить получение и отправку в Париж чрезвычайных средств. Амело, глава Чрезвычайной кассы, 28 сентября 1792 г. "от имени Отчизны" призывал удвоить рвение и активность в деле организации распродажи фонда национальных имуществ(24).

Декретом 31 декабря 1792 г. Чрезвычайная касса была ликвидирована, однако Амело продолжал выполнять свои функции как "управляющий национальным доменом", именно перед ним должны были отчитываться сборщики(25). Реорганизация Чрезвычайной кассы в Управление национальных имуществ является свидетельством отсутствия других доходов и фактически означала отказ от ликвидации долга.

Таким образом, в ходе революции финансовое ведомство оказалось в гораздо более тяжелом положении, чем то, с которым не смогли справиться руководители королевского правительства. Для решения сложных проблем пришлось прибегнуть к средствам ранее неизвестным. Революция пробудила творческие силы народа, привела к власти людей смелых, решительных и, безусловно, компетентных. В буржуазной историографии господствует представление о беспомощности революционных руководителей финансового аппарата, об отсутствии сколько-нибудь выдержанного курса, целенаправленной политики в области финансов. Вероятно, это мнение основывается на том обстоятельстве, что революция не смогла погасить государственный долг, что ассигнат, основная революционная валюта, потерял свою стоимость. Но ведь дело в том, что первой задачей казначейства стало финансирование революционной войны. Победы над внутренней и внешней контрреволюцией являются доказательством эффективности финансовой политики революции(26).

Среди руководителей финансового ведомства революции выделяется Ж.Камбон, который возглавлял Комитет финансов Законодательного собрания и Конвента с осени 1791 по весну 1795 г. Камбон до революции активно занимался коммерческими и финансовыми делами в Монпелье, где успешно вел дела и получал высокую прибыль. Его ближайшим помощником являлся Е.-Д.Рамель-Ногарэ, ставший министром финансов Директората. Весьма ответственным чиновником был Годен, который, как и Рамель, до революции служил в королевской администрации, а затем стал наполеоновским министром финансов и герцогом де Гаэт. Рамель и де Гаэт успешно справлялись со своими обязанностями, а в мемуарах очень высоко отзывались о своем руководителе революционного периода - Камбоне.

Что же нового появилось в финансовой практике в годы революции?

Ассигнат оказался единственным источником получения средств в условиях отсутствия обычных доходов и малой эффективности чрезвычайных. Революция получила тяжелое финансовое наследие, которое было усугублено в первые годы революции новыми проблемами, поэтому и прибегла к "эмиссионному обложению". Французская революция создала новую финансовую систему, которая заключалась в увеличении количества циркулирующих денежных единиц (привычной расценки) без соответствующего внедрения в оборот каких-либо реальных ценностей. При этом разница между прежним и новым количеством денежных знаков (и в конечном счете соответствующая ей часть товарной массы) и составляет доход государства, извлекаемый таким государственным аппаратом(27). В 1792-1794 гг. ежегодно ассигнат обесценивался на 21-29%. Норма обесценивания - показатель той доли реальных ценностей, которые государству удавалось выкачать при помощи эмиссионного

обложения(28). Инфляция приносила государству доход. С внешними проявлениями инфляции, с падением стоимости ассигната вели борьбу, поскольку от этого, среди прочего, зависела возможность дальнейшего использования такого "налога-оборота". Были введены максимальные цены на предметы первой необходимости, объявлена борьба со спекуляцией, закрыта биржа и запрещена торговля ассигнатом, который стал единственной валютой Республики.

Следует отказаться также от тезиса об отсутствии определенной политики в области финансов. Камбон, как считают А.Собуль и В.Г.Ревуненков, "энергично и целенаправленно проводил политику инфляции"(29). Деятельность Комитета финансов была эффективной и целенаправленной. Она была направлена на защиту завоеваний буржуазной революции. Здесь сложилось два вектора сил: давление буржуазии и народное движение, которое навязывало Конвенту многие решения и проводило самостоятельный курс.

Вернемся к вопросу о государственном долге. В условиях тяжелой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией руководители Конвента сделали все возможное для сохранения государственного кредита. Прежде всего надо отметить запись долга в Большую книгу в 1793 г. Камбон, проведя эту запись, значительно сократил саму сумму долга, поскольку существовали определенные препятствия для кредиторов(30). Государством был признан долг на 4 млрд, в то время как до революции долг уже достигал 4,5 млрд. Камбон облегчил финансовые операции, унифицировав разные виды долговых обязательств. Причем унификация была "экономна": до революции ежегодно на выплату ренты и погашение долгов расходовалась сумма в 10% государственного долга, теперь каждый кредитор мог получать 4%. Буржуазный историк Р.Стурм выражал недовольство этим: "Вот чего дождался раньше от создания Большой книги в 1793 г.: налога на свои неполученные проценты!"(31) Однако характер записи вовсе не свидетельствует об антикредиторской и антибуржуазной сущности финансовой политики революции. Размежевание шло по политическому, а не по социальному признаку. Не были записаны в книгу все казненные, эмигрировавшие, ушедшие в вандейские леса или подполье. Это были отнюдь не одни буржуа. С другой стороны, все, сохранившие верность Республике, получили возможность записаться. Сам факт нового признания долга служил интересам кредиторов.

В дальнейшем было объявлено о государственном банкротстве. Вместе с реквизиционной практикой банкротство рассматривается некоторыми историками как пример посягательства на собственность.

Революция оказалась переломным моментом в деятельности финансового аппарата. Было введено равенство налогообложения, проводилось эмиссионное обложение, приостановлена выплата государственного долга, а затем объявлено банкротство, проводились принудительные займы и реквизиции. Не означает ли изменение методов и принципов деятельности казначейства принятия на вооружение в годы революции народных методов решения проблем? Для решения этого вопроса подробнее остановимся на наиболее "подозрительных", с этой точки зрения, мероприятиях: реквизиционной практике, включая самый крупный принудительный заем, и банкротстве.

Война с внешней и внутренней контрреволюцией поставила перед революционной Францией серьезные финансовые проблемы. Главным источником финансирования войны стал ассигнат. В социальном плане эмиссионное обложение, т.е. выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег, является наиболее тяжелым и несправедливым. Необходимые государству средства в этом случае изымаются в результате падения стоимости ассигната. Инфляция ударила прежде всего по людям, жившим на жалование: рабочим, слугам, чиновникам. Эмиссионное обложение, как показал С.А.Фалькнер, оказалось прогрессивно-подходящим, заостренным против бедных(32).

Однако санкюлоты были убеждены, что издержки войны должны покрыть богачи. Выражая это народное настроение, комиссар секции Монблан А.Марешаль говорил осенью 1793 г.: "В нашей секции имеются богатые и подозрительные, мы арестуем их и, если нужно, обложим революционным налогом в 100.000 экю"(33). Идея принудительного обложения или принудительного займа принадлежала не якобинцам. Еще в самом начале революции (во время министерства Неккера) в общей форме уже высказывалась идея принудительного миллиардного займа, но тогда она успеха не имела. Лидер

"бешеных" Жак Ру 9 марта 1793 г. в секции Гравилье выдвинул предложение "займа у богатых". Таким образом, именно революционное творчество французского народа привело к жизни идею чрезвычайного займа.

Предложение Ж.Ру, равно как другие такого же рода, не принимались. Мысль о чрезвычайном обложении была поддержана Конвентом лишь после того, как он нашел себе практическое применение.

В департаменте Эро, снаряжая весной 1793 г. по требованию комиссара Конвента 5 тыс. человек, предприняли по собственной инициативе реализацию принудительного займа в 5 млн. ливров среди имущего населения, "уклоняющегося от активной поддержки революции". В докладе Конвенту 27 апреля 1793 г. о событиях в департаменте высказывалось такое соображение: "Если бы все департаменты провели у себя такие займы, то ассигнационное обложение было бы существенно уменьшено, а это необходимо повлекло бы, между прочим, и понижение цен на средства существования"(34). Эта идея увлекла левое крыло Конвента. Ж.-П.Марат призывал "давить, выжимать губку"(35). 7 мая 1793 г. местная администрация получила инструкцию проводить на местах принудительные займы. Действительно, с этого времени чрезвычайные обложения, реквизиции стали неотъемлемой частью политической практики Французской революции. Такого рода доходы казначейства (а точнее, облегчения расходной части бюджета) были значительны, но, став регулярной провинциальной практикой, точно неопределимы.

В Париже широко применялись обложения, за счет полученных средств эбертистская Коммуна проводила свою социальную программу. Зимой 1792/93 г. Парижская коммуна постановила, взыскать с богатых единовременный прогрессивный налог в 12 млн. ливров на военные нужды. Если доход главы семейства доходил до 1500 ливров и приходилось по 100 ливров на каждого другого члена семьи, то такой доход признавался "необходимым" и как таковой освобождался от налога. Только те доходы, которые были выше этого "необходимого", считались "избытком" и подлежали обложению налогом: 30 ливров - с "избытка" в 2 тыс. ливров; 50 ливров - с избытка от 2 тыс. до 3 тыс. ливров. С избытка в 50 тыс. взималось 20 тыс. ливров(36).

Однако уже в конце 1793 г. Конвент постарался ограничить активность и самостоятельность народного движения и в области реквизиционной политики. Законом от 4 декабря, в то же самое время, когда были распущены провинциальные революционные армии, проводившие реквизиции хлеба в деревне, было установлено, "что никакой набор в вооруженные силы, никакой налог, никакой принудительный или добровольный заем не могут быть произведены иначе, как в силу декрета". Даже налоги, вводимые комиссарами Конвента, нуждались в вотировании(37). "Это значило, - пишет В.Г.Ревуненков, - что ни Парижская коммуна, ни другие местные органы власти, ни даже комиссары Конвента не могли уже самостоятельно устанавливать местные налоги на богатых, как это делалось раньше"(38). Вскоре местные налоги были вновь разрешены. Окончательно реквизиционная практика была осуждена после гибели эбертистов, такие налоги были запрещены 9 апреля 1794 г.

Крупнейшей операцией среди принудительных обложений явился чрезвычайный заем 1793 г. Он выделяется тем, что был общенациональным, а не местным, кроме того, он должен был принести в казну огромную сумму в 1 млрд. Решение о проведении займа было принято под давлением Парижской коммуны. Знаменитая петиция 1 мая 1793 г., после которой жирондистский Конвент ввел первый максимум, требовала среди прочих мер "налог на богатых" в размере половины всего избытка доходов свыше 2 тыс. ливров в год (при наличии детей на каждого ребенка оставлялось еще по 500 ливров).

20 мая 1793 г. Д.-В.Рамель, ближайший помощник председателя Комитета финансов Конвента Ж.Камбона, внес на рассмотрение Конвента проект чрезвычайного принудительного займа. Заседание проходило очень бурно(39).

Рамель от имени Комитета финансов предложил перейти к прогрессивному обложению. Предполагалось освободить от обложения тех, чей доход был менее 600 ливров; те, кто имел 1,6 тыс., должны были бы платить 50 ливров, те, кто имел 2,6 тыс., - 110 ливров, 3,6 тыс. - 180 ливров и т.д. Малларме поддержал идею прогрессивного налога, "поскольку он уже декретирован" в принципе, но выступил против предоставления местным властям права его проведения: "Нельзя заставить богатых платить, если им не

гарантируется охрана законов... Я прошу вас декретировать, что все налоги могут взиматься с граждан только на основании изданного Конвентом закона"(40). Монтаньяр Малларме, поддерживая идею прогрессивного, обложения, предлагал запретить местные налоги.

Камбон согласился с тем, что налог нужен, причем взимаемый на основании закона. Он заявил, что есть люди, являющиеся врагами Республики. Патриоты департамента Эро решили, что несправедливо, когда многие граждане бросают свою торговлю и собственность, чтобы защищать Родину, а другие - нет, и обложили последних принудительным займом. "И я хотел бы, - заявил Камбон, - чтобы Конвент, подобно департаменту Эро, декретировал гражданский заем в размере одного миллиарда, который падал бы на эгоистов и на людей, равнодушных к Революции. Ассигнаты ведут против нас разорительную войну; пусть же этот гражданский заем в 1 млрд. повлечет за собой возвращение ассигнатов и, кроме того, привяжет всех этих граждан к Республике, так как всем подписчикам этого займа будет выдана расписка, которая будет приниматься в уплату при покупке земель эмигрантов. С помощью этой меры мы сможем оказаться в состоянии справиться с огромными расходами этой войны и победить австрийцев и англичан... Не забудем, граждане, что мы израсходовали в предыдущем месяце 270 млн на военные расходы"(41). Как записано в протоколе, выступление Камбона было встречено "взрывом аплодисментов". С различными оговорками предложение Камбона было поддержано Тюрио, Тюрро, Женисье. Жирондист Ланжюине тоже вынужден был поддержать "патриотическое, мудрое и справедливое предложение Камбона", однако он заявил, что не следует говорить "должны платить богачи и аристократы, а санкюлоты платить не будут", поскольку некоторые санкюлоты богаче, чем сами богачи. Выступление жирондистского депутата вызвало "ропот"(42).

Против внесенного предложения выступил Барбару, пообещав предложить меры для получения тех же средств по-другому, но говорить стал о нарушениях закона о запрещении продажи звонкой монеты, о трудностях в торговле на юге в результате введения максимума, его прерывали выкриками с трибун: "Речь идет о принудительном займе... Долой!". Барбару вынужден был покинуть трибуну.

Марат поддержал проект займа, заявив, что "оппозиция принудительному займу происходит здесь оттого, что из-под его действия не вывели некоторых членов Собрания". Было внесено предложение поставить вопрос на голосование, однако жирондистам удалось оттянуть голосование и серьезно осложнить/принятие закона о займе. Председательствующий Иснар и один из лидеров Жиронды Верньо пытались увести обсуждение в сторону. Монтаньярам удалось восстановить ход прений по проекту Камбона, но вопреки предложениям о голосовании Иснар вновь предоставил слово Барбару, а затем Верньо.

В этом выступлении Верньо говорил о том, что этот принудительный заем является посягательством на собственность, на которое нация имеет право только в случае крайней необходимости... "Но ведь Комитет финансов постоянно докладывал и опубликовывал, что наши военные ресурсы более чем достаточны? .. Разве при таких обстоятельствах мы имеем право решиться на проведение такого займа или, вернее, на такое посягательство на частную собственность? Разве в том положении, в котором мы находимся, этот налог не становится несправедливым и возмутительным актом тирании?" Верньо далее говорит, что этот налог уничтожит обычные источники доходов, он подорвет доверие, являясь как бы сигналом крайней опасности. "Пусть нам не говорят, что это не налог... это ненужное притворство". "Учредите этот налог, - заканчивает Верньо, - этим вы затрудните наши платежи, прекратите продажу национальных имуществ, заглушите всякое соревнование, уничтожьте все источники, питающие торговлю, и заставьте безвозвратно удалиться тех, кто хотел поселиться на нашей государственной земле"(43).

Выступление Верньо опиралось на очевидные факты и этим было опасно для сторонников займа. Проект займа свидетельствовал о тяжелом положении казначейства. Многие могли расценить этот проект как сигнал бедствия, и возникал вопрос о доверии заявлениям официальных лиц об отличном состоянии финансов, об успешной продаже национальных имуществ. Заем не мог не подорвать доверия к правительству, подорвать

его кредит. Обычные займы теперь становились вовсе невозможны, налоговый аппарат должен был почувствовать большее сопротивление налогоплательщиков.

После Верньо выступил Марат и предложил уничтожить деление на патриотов и аристократов, ввести заем на всех богатых. Жирондист Бюзо повторил положения выступления Верньо: о том, что этот заем сделает невозможным новые займы, которые могут понадобиться в более сложном положении, чем нынешнее, о том, что он приостановит продажу национальных имуществ. Что касается второго обстоятельства, то надо сказать, что покупка национальных имуществ была настолько выгодна, что даже заем ее остановить не смог. Не следует преувеличивать и значения поступлений по займу, поскольку он не привел к перекачке в руки государства средств, предназначавшихся; на покупки национальных имуществ.

Далее Бюзо отметил, что тяжесть займа падает на недвижимые имущества и не трогает "тех кровопийц, которые под поношенным платьем прячут туго набитые кошельки", т.е. быстро росшую в годы революции новую, наживавшуюся на спекуляциях буржуазию, и потребовал отклонения принудительного займа. После таких выступлений Камбон, как ни в чем ни бывало, заявил, что "все согласны с тем, что заем нужен", и предложил декретировать его в принципе. Такое решение было принято. Победа Горы была лишь моральной. В последние месяцы перед народным восстанием в Париже 21 мая-2 июня 1793 г., приведшим к свержению Жиронды, инициатива в Конвенте перешла к монтаньярам. Однако Горе удалось лишь повторить принятое уже ранее решение о принципиальной необходимости размещения чрезвычайного займа. Жирондисты после неудачной попытки оттянуть принятие решения перестроились и подвергли суровой критике проект принудительного займа и, таким образом, сделали невозможным принятие конкретного плана его проведения (этого Камбон добился лишь после низвержения Жиронды).

К вопросу о займе вернулись 22 июня по требованию Женисье, который заявил, что опасно оставлять общественное мнение в неведении, так как "богатые, враги революции, говорят бедным, что они не будут исключены из этого займа и тем самым настраивают их против революции"(44).

Реаль от имени Комитета финансов предложил собирать заем с "обильных" доходов в возрастающей прогрессии. "Обильные" доходы определялись в докладе Реаля в пределах 3 тыс. ливров для отца семейства и 1,5 тыс. холостого. Если доход превосходил 10 тыс. в год, то определялся как "излишний" и весь должен был идти в заем (доходы ниже 3 тыс. для семейных к 1,5 тыс. для холостых освобождались от займа)(45).

Доклад Реаля вызвал жаркое обсуждение. Многие депутаты призывали к осторожности в использовании такого опасного средства как принудительный заем. Камбасерес заявил, что не должно быть "рекламаций", "возложить заем на средние состояния-значит породить новых врагов революции"(46). Женисье напомнил, что заем декретировали для того, чтобы получить 1 млрд. и предложил обложить не доходы, а капитал ("Я должен удостоверить Конвент, что, если вы не обложите капитал, вы этой суммы не получите в национальную казну"). Малларме выступил против предложения Женисье, поскольку оно противоречит неприкосновенности "торжественно провозглашенного" принципа неприкосновенности земельной и коммерческой собственности". Принимается декрет, что облагается не капитал, а доходы. Причем по предложению Жанбона Конвент довел цифру "необходимого", необлагаемого займом, до 6 тыс. холостых и 10 тыс. для отцов семейств(47). Напомним, что Парижская коммуна предлагала не облагать займом имеющих ниже 2 тыс. ливров годового дохода. Таким образом, Конвент собирался освободить от займа значительные категории имущих. Однако вскоре выяснилось, что в финансовом отношении заем окажется малорезультативным. 19 августа 1793 г. Рамель заявил, что принудительный заем на условиях декрета 22 июня принесет 200 млн.

В первоначальный проект были внесены изменения, в силу которых это мероприятие из "займа у богатых" фактически превратилось во всеобщее обложение, не затрагивавшее лишь прожиточный минимум, который снизился с 6 тыс. до 1 тыс. для одиноких, для семейных с 10 до 1,5 тыс. ливров. На каждого члена семьи оставалась также еще одна не облагаемая займом тысяча ливров дохода. Такое понижение прожиточного минимума обосновывалось Рамелем тем, что в противном случае при

общей сумме национального дохода в 3 млрд. заем даст не более 200 млн., ибо налоговые реестры показывают, что половина всех доходов падает на граждан, имеющих менее 1 тыс. в год; из остальной половины 2/3 приходится на доходы ниже 6 тыс. ливров, не подлежащих обложению займом по декрету 22 июня. Облагаемая сумма в 1/6 национального дохода, т.е. в 500 млн. ливров, должна была еще значительно сократиться, так как первоначальный уровень доходов для семейных был установлен в 10 тыс.(48)

В соответствии с принятым новым понижением уровня доходов, обязанных подпиской на заем, устанавливалась прогрессивная шкала: с первой тысячи ливров дохода-10%, со второй - 20, с третьей-30... с девятой-90, с десятой и каждой следующей тысячи ливров дохода-все 100% подлежат обложению займа.

Таким образом, получалось, что с дохода в 1 тыс. ливров подписывались на 100 ливров взноса, с 2 тыс. ливров-на 300 ливров, с 3 тыс. - на 600, с 4 тыс. - на 1 тыс., с 5 тыс. - 1,5 тыс. с 6 тыс. - 2,1 тыс., с 7 тыс. - 2,8 тыс., с 8 тыс. - 3,6 тыс., с 9 тыс. - 4,5 тыс. ... с 12 тыс. - 7,5 тыс. и т.д.

В пользовании подписчика не должно было оставаться более 4,5 тыс. ливров. Тяжесть обложения мотивировалась его однократностью, а низкий предел прожиточного минимума - необходимостью собрать целый миллиард - треть национальных доходов.

Покрытие принудительного займа должно было проходить тремя ежемесячными взносами: в декабре 1793 г., январе и феврале 1794 г. Заем был беспроцентным, погашение должно было начаться через два года после окончания войны. Заемные квитанции должны были приниматься в уплату за национальные имущества (обещание покрыть заем никогда выполнено не было)(49).

Принудительный заем 1793 г. явился единовременным чрезвычайным общеподоходным налогом. "С финансовой точки зрения, - пишет с.А. Фалькнер, - отвлекаясь от совершенно эфемерной возможности погашения займа наличностью в будущем, вся операция сводилась, таким образом, к тому, что занимаемые принудительно ассигнаты конвертировались в условные денежные знаки со специальным назначением оплаты национальных земель и с лишением их циркуляторных свойств ассигната по отношению ко всем иным сделкам. Принудительный заем превращался, таким образом, в способ ускорения реализации имущества, служивших фондом обеспечения ассигната и в средство окончательного погашения части циркулирующей ассигнационной массы"(50). Квитанции взносов могли переходить лишь по наследству или по решению суда.

В августе 1793 г. Ж.Камбон провел одну из крупнейших финансовых операций Французской революции: запись государственного долга в так называемую Большую книгу. Эта операция имела некоторые черты кредитной. Можно было не только записать старые государственные долги, но и стать новым кредитором государства. Была предоставлена возможность капитализировать имеющуюся наличность ассигнатов, внося их в казначейство, и получать пятипроцентные доходы.

После создания Большой книги в покрытие принудительного займа принимались наряду с ассигнатами дубликаты квитанций добровольного займа, что смягчало условия проведения чрезвычайного принудительного займа. Напомним, что запись в Большую книгу была проведена раньше, чем началось размещение принудительного займа 1793 г. "Тем самым принудительный беспроцентный заем незаметно превращался в процентный, и строго персональный беспередаточный характер расписок в уплате принудительного займа заменялся правом передачи и продажи расписок займа добровольного. Ибо операция покрытия принудительного займа всегда могла быть произведена двумя этапами с предварительной подпиской на заем добровольный путем зачисления наличности в счета «Большой книги»"(51). Камбон заявил, что этим "мы хотим дать добрым гражданам в руки средство избавиться от принудительного займа"(52). Принудительный характер был фактически выхолощен.

Как пишет П.А. ропоткин, "в материальном отношении принудительный заем оказался вполне неудачным"(53). Действительно, по данным р.Арно, налог дал лишь около 18% ожидавшихся поступлений(54). Однако сумма в 180-200 млн. ливров была фантастической для сборщиков ординарных налогов. Комиссары казначейства особо напоминали сборщикам о значении, которое придавалось успеху этой операции. Однако в

дистрикте Эвре, по которому есть полные данные, как и в других дистриктах, к концу II г. оставались неоплаченными огромные суммы: 408 тыс. ливров из 636 тыс., которые должны были собрать в Эвре(55). Причем, обращая внимание на общую неудачу займа, следует особо выделить, что "богатые не платили"(56).

История чрезвычайного займа 1793 г. ярко показывает, что монтаньяры отвергали народную реквизиционную практику. Под давлением Парижской коммуны и в чрезвычайно сложных финансовых условиях Гора пошла на проведение принудительного займа. В борьбе Горы и Жиронды проблема займа занимала далеко не последнее место. Придя к власти, якобинцы реализовали идею займа, но характер проведения этой операции народным назвать нельзя. Отказавшись от первоначального плана возложить заем на самые крупные состояния, монтаньяры превратили "заем на богатых" в "заем на имущих", в том числе и на малоимущих. Коммуна в своей реквизиционной политике не затрагивала малоимущих, которых обязали подпиской на заем якобинцы.

В социальном плане главным итогом займа представляется то, что была провалена идея оплаты всех издержек войны за счет богатых. Поскольку эта финансовая операция не носила антибуржуазного характера, то и материальные ее итоги не могли оказаться вполне успешными, как и многих других финансовых операций Французской революции. Наиболее удачной операцией был выпуск ассигната, т.е. использование эмиссионного обложения, заостренного против малоимущих и неимущих,

Финансовая политика Конвента носила революционный, буржуазный характер. Точно такой же характер имел заем 1793 г.

Политика по отношению к государственному долгу являлась по-революционному смелой, но оставалась при этом буржуазной.

Эмиссионная политика имела своим результатом инфляцию, которая вносила в проблему долга новые нюансы. Инфляция официально не признавалась. Камбон, выступая в Конвенте, давал противоречивые данные. Неоднократно он говорил о достаточном количестве денег в казне, заявлял, что "финансы Республики находятся в самом цветущем положении, так что можно сказать утвердительно, что более нет необходимости в их исчислении"(57). В других случаях, когда необходимо было получить разрешение на выпуск новой партии ассигнатов, депутаты узнавали о том, что в казне не хватит денег и на три дня. Полными данными, видимо, не располагали и сами члены Комитета финансов. Кроме того, скрыв истинные размеры эмиссии и инфляции, Камбону удалось несколько замедлить темпы падения стоимости ассигната.

Однако такое положение дел негативно сказывалось и на положении казначейства. Государство получало налоги и выплаты за национальные имущества (которые продавались в рассрочку) ассигнатами по их нарицательной стоимости, что в условиях инфляции приводило к потерям государственных финансов.

Падение стоимости ассигната вносило серьезные трудности в кредитные операции. Должники оказывались в чрезвычайно выгодном положении. Причем не только должники государства могли использовать падение курса ассигната и, задержав расчет, использовав рассрочку, добиться фактического снижения долга (стоимости национальных имуществ). То же самое происходило в частных сделках. Так, например, солдат-доброволец Жоликлер 16 жерминаля III г. в письме матери жаловался па своего командира: "Теперь мне возвращают их, когда они ничего не стоят, ибо 40 ливров не стоят и 5. Видите, как честно расплачиваются с долгами"(58).

Жанбон Сент-Андре поставил вопрос об урегулировании частных кредитных сделок и указал схему решения, которая была осуществлена в дальнейшем. Жанбон заявил 17 мая 1795 г., что причина трудностей-в недоверии к ассигнату, а основанием этого является несправедливость, "нужно провести меру всеобщую, применимую ко всем. Я желаю, чтобы Конвент установил сначала основоположный принцип для общественных и частных сделок; и чтобы затем он поставил в порядок дня большой вопрос о том, не следует ли выработать лестницу постоянной и неизменной ценности, согласно которой должны исполняться все сделки"(59). Через десять дней по докладу Дефермона была установлена лестница согласований.

Предлагались изменения в налоговой системе. Некий Морис предлагал учитывать при сборе налогов падение стоимости ассигната. Бертран в петиции, переданной Конвентом Комитету законодательства 6 июля 1795 г., настаивал на отсрочке всех погашений долгов частных лиц впредь до вотирования "способов предотвращения гибели кредиторов"(60). От имени этого Комитета Савари 13 июля предложил закон, который и был принят, запрещавший досрочную выплату долга и приостановил возмещение капитальных сумм всех долгов ("рент"), созданных до 1 января 1792 г. Однако под давлением заинтересованных в противоположном Конвент через несколько дней отменил свое решение.

Думается, что не случайно такого решения не принимали раньше. Конечно, Камбон не мог не понимать, что, не вводя требования уплаты за национальные имущества по фактической стоимости ассигната, Конвент теряет огромные средства. Но, передавая национальные имущества кредиторам государства, Камбон прекратил ликвидацию государственного долга. К 1796 г. большая часть национальных имуществ была продана. Все же введение пропорциональной системы было очень трудной задачей. Не случайно с подготовкой этого мероприятия завершается подготовка банкротства.

Совет Пятисот восстановил и распространил на все операции конвентовский закон от 13 июля 1795 г., "принимая во внимание, что он обязан остановить распространение тех покраж, которые недобросовестные должники ежедневно производят у своих кредиторов"(61). В 1796 г. ассигнаты были обменены на; территориальные мандаты, которые в течение 3 месяцев потеряли свою стоимость. Вновь встал вопрос о старых долгах. Он был решен в пользу кредиторов, которым возвращались полностью суммы, помимо обычных процентов, не затронутые инфляцией. "В результате,-пишет с.А. Фалькнер,-кредит оказывался формой бронирования соответствующих ценностей от всякого влияния на них эмиссионного обесценивания валюты, как формы принудительного финансирования государственных операций"(62). Вся тяжесть изъятия бумажных денег падала на должников.

Таким образом, инфляция не привела к разорению кредиторов. Французская республика неизменно их поддерживала. Первоначально, приостановив в условиях войны покрытие государственного долга, путем передачи национальных имуществ крупным покупателям, имевшим возможность компенсировать потери, используя рассрочку платежа и падение ассигната, которым расплачивались за национальные имущества по номинальному значению. Затем, когда в основном фонд национальных имуществ был исчерпан, а международное положение Республики укрепилось, государство встало на путь защиты кредиторов от должников, которые, также используя падение ассигната, могли нанести ущерб буржуазии. При этом, поскольку положение государственного казначейства было тяжелым, вводя шкалу возмещения долгов, пришлось пойти на государственное банкротство.

Положение было таково, что было ясно: казна выплатить долг не в состоянии. Бывшие кредиторы получили солидную компенсацию и более благодушно смотрели на возможность банкротства. Но к этому неизбежному средству прибегнуть не решались. В V г. Вилье предложил признать то обстоятельство, что государство-банкрот. И лишь в следующем VI г., как отмечает Ж.Фашан, констатация бюджетного дефицита в 172 млн. побудила решиться на этот шаг(63).

Положение казначейства было усугублено переходом на золотую монету. Она никогда полностью из частного обмена быть вытесненной не могла. М.А.Смирнов считает, что звонкой монеты во Франции к 1796 г., моменту аннулирования бумажных денег, насчитывалось 1-1,5 млрд. ливров(64). Этого было вполне достаточно для рынка, но государство опиралось в своей финансовой политике на бумажные деньги. Они были главным источником финансирования войны, именно ассигнатами население платило налоги, чрезвычайный заем, расплачивалось за национальные имущества. Государство получало ассигнаты по их нарицательной стоимости, а вот необходимые товары и услуги часто приобретало по их рыночной расценке. Золото ушло на международную торговлю, выплату жалования в армии, которая до 1 января 1793 г. производилась монетой. В казначействе были только бумажные деньги, которые деньгами быть перестали.

17 февраля 1796 г. закон предписал уплачивать ренты и пенсии по реальной стоимости бумажных денег. Это оказалось невозможно, и декретом 21 сентября 1796 г. было предписано накопившиеся недоплаты покрыть лишь в 1/4 "действительными деньгами", уплата остального отсрочивалась до заключения мира. Однако и это обещание выполнено не было. Вместо 16,5 млн., что составляло 1/4 недоплаты, должники государства получили 1,6 млн.

Наконец, 30 сентября 1797 г. был принят закон о консолидированной трети, известный как "банкротство Рамеля". По этому закону предполагался прием 1/3 долга наравне с металлическими деньгами. Остальные 2/3 всякого долгового обязательства не получали такого признания и погашались бонами на предъявителя, которые могли служить для приобретения национальных имуществ. Но и эти решения остались лишь благим пожеланием погасить хотя бы отчасти долг. "Боны 2/3" потеряли 97% своей стоимости (!), право оплаты ими было сведено на нет, поскольку их принимали только за постройки, но не за землю. Только при Консульстве, когда финансовое положение упрочилось, эти: боны обменяли на рентные обязательства (5 франков ренты на 2000 ливров бонами)(65). Таким образом, эта, большая, часть долга была погашена в 0,25% ее первоначальной стоимости.

Консолидированная треть должна была составлять 58 млн. Фактически зарегистрированных рент было лишь 40216 тыс., ибо часть была раньше принята в уплату или конфискована как имущество эмигрантов(66). Но и эти суммы не могли быть уплачены полноценным металлом и были заменены "бонами недоплаты", которые принимались лишь в уплату налогов. Рента упала с 20 до 6%.

Итак, банкротство было проведено. Но лишь в 1797 г., хотя уже в самом начале революции стало ясно, что с долгом справиться не удастся. Тем более, что прибегли к эмиссионному обложению. Банкротство было вынужденной и неизбежной мерой, но как трепетно относились законодатели к долгу! Ведь по закону 30 сентября 1797 г. кредиторам полагалась компенсация. Конечно, даже ее выплатить было невозможно, и появились "боны недоплаты" и т.п. Вся история с государственным долгом показывает, что революционные правительства защищали интересы кредиторов. При этом прежде всего защищались интересы буржуазии в целом. Новая буржуазия не вся вышла из среды королевских рантье, поэтому покрытие государственного долга не стало главным вопросом финансовой политики. Однако кредиторы государства, несмотря на взятый революцией курс на банкротство, используя возможности революции, сохранили свои позиции и влились в новый господствующий класс.

Революция справилась с более сложными финансовыми проблемами, чем те, с которыми не смогли справиться руководители финансового ведомства Старого порядка. Произошло это не потому, что на вооружение были взяты, рецепты, предложенные народом. Основным, самым эффективным средством оказалось самое антинародное-эмиссионное обложение.

1. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л., 1982.
2. Morineau M. Budgets de l'Etat et gestion des finances royales en France au dix-huitieme siecle // Revue historique. 1980. P.314-315.
3. Ibid.
4. Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979. С.177.
5. Там же. С.369.
6. Там же. С.186. .
7. Nervo, baron de. Les finances fran?aise. Paris, 1863. Т.2. P.178-179.
8. Furet F., Richet D. La R?volution fran?aise. Paris, 1973. P.23.
9. "В свете новых идей открылась высокомерная несправедливость привилегий: дело не в том, что они существуют или что их даже защищают с глупым упорством, - это в порядке вещей; дело в том, что они обретают новый динамизм, они отвоевывают потерянные позиции и захватывают новые" (Фор Э. Опала Тюрго. С.28).
10. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С.144-146.
11. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии 1789-1792. Л., 1982. С..55; Bornarel F. Cambon et R?volution fran?aise. Paris, 1905. P.92.
- 12 V?hrer A. Histoire de la dette publique en France. Paris, 1886. Т.1. P.323.

- 13 Франция в 1789 году по впечатлениям английского путешественника доктора Ригби. Киев, 1917. С.20-21.
- 14 Fachan J. M. Historique la rente fran?aise et les valeurs du Tr?sor Paris 1904. P.98-99.
- 15 Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М.Симолина // Литературное наследство. Т.29-30. М., 1937. С.396. (текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/luk_simolin.pdf)
- 16 Там же. С.360.
- 17 Braesch F. Finance et monnaie r?volutionnaire. Nancy, 1934. Т.1, P.14-15.
- 18 Nervo, baron de. Les finances fran?aise. P.235.
- 19 Bornarel F. Cambon... P.99; Ga?te, duc de. M?moires. Paris, 1826. Т.1. P.14-15, 19-21, 25-26, 35.
20. Briffaud F. Un receveur du finances sous la R?volution. Caen, 1909, P.56, 79.
- 21 Цит. по: Combe de Patris B. L'esprit financier des Girondins. Paris, 1909. P.39.
- 22 Ga?te, duc de. M?moires. P.92.
- 23 Bresson J. Histoire financi?re de la France depuis l'origine de la monarchie jusqu'? l'ann?e 1822. Paris, 1857. Т.2. P.155.
- 24 Briffaud F. Un receveur... P.164-165.
- 25 Ibid. P.198-199.
- 26 См.: Коротков С.Н. О классовом характере финансовой политики монтаньярского Конвента // Вестн. Ленингр. ун-та, 1986. Сер.2. Вып.4. С.95-98.
27. Фалькнер С.А. Бумажные деньги Французской революции. М., 1919. С.VII-VIII
28. Там же. с.185..
29. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: Падение монархии С.225; His'toire ?conomique et social de la France. Paris, 1976. Т.3. Vol.1. p.30.
30. Arnaud R.Le d?bacle de financi?re de la r?volution: Cambon, 1756- 1820. Paris, 1926. P.211.
31. Stourm R. Les finances de l'Ancien r?gime et de la r?volution. Paris, 1885. Т.1. P.333.
32. Фалькнер с.А. Бумажные деньги... С.VII-VIII, 185.
33. Цит. по: Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983. С.105.
34. Buchez Ph., Roux p.Histoire parlementaire de la R?volution fran?aise. t.1-40. Paris, 1834-1838, Т.26. P.179-180.
35. Arnaud R. Le d?b?cle de financi?re... P.213.
36. Кропоткин П.А. Великая французская революция 1789-1793. М., 1979 С.309.
37. Buchez Ph., Roux p.Histoire parlementaire... Т.30. P.262-263.
38. Ревуненков В.Г. Очерки... Якобинская республика... С.113- 114.
39. Изложение хода заседания 20 мая 1793 г. см.: Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792-1794): Сб. документов и материалов. М., 1927. С.212-219. Ср.: Buchez Ph., R o. u x p.Histoire parlementaire... Т. 27; R?impression de l'ancien Moniteur, t.1-31. Paris, 1834-1838. Т.16. P.430-438 (далее: Moniteur).
40. Moniteur. Т.16. P.430; Buchez Ph. et Roux p.Histoire parlementaire. .. Т.27. P.139.
41. Moniteur. Т.16. P.431.
42. Ibid.
43. Ibid. P.438.
44. Ibid. P.720.
45. Ibid. P.721.
46. Ibid. P.722.
47. Ibid. P.723.
48. Ibid. Т.17. P.808-810.
49. Фалькнер С.А. Бумажные деньги... С.105-106; Смирнов А.М. Кризис денежной системы Французской революции. Пг., 1921. С.65.
50. Фалькнер С.А. Бумажные деньги... С.103.
51. Там же. С.106.
52. Цит. по: Фалькнер С.А. Бумажные деньги... С.106, примеч.
53. Кропоткин П.А. Великая французская революция. С.319-320.
54. Arnaud R. La d?bacle de financi?re... P.218.
55. Briffaud F. Un receveur... P.301-302, 327-328.

57. Stourm R. Les finances... P.417-418.
58. Ландауэр Г. Письма о Французской революции. М. 1925. Т.2. с.265.
59 Moniteur. Т.24. P.556.
60. Цит. по: Фалькнер С.А. Бумажные деньги... С.245.
61. Там же. С.246.
62. Там же. С.254.
63. Fachan J. Historique... p.127.
64. Смирнов А.М. Кризис денежной системы... с.105.
65. Фалькнер С.А. Бумажные деньги... с.262.
66. Fachan J. Historique... p.130.

О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИМУЩЕСТВ В «РОЖДЕНИИ» НОВОЙ БУРЖУАЗИИ

Статья опубликована в сб.
«Французская революция XVIII века. Экономика. Политика. Идеология»
М. Наука. 1988. С.95-108. (другие статьи из этого сборника в нашей библиотеке)

Распродажа национальных имуществ — конфискованных во время Великой французской революции имуществ короля, церкви и эмигрантов — явилась крупнейшим в истории Франции перераспределением собственности и привлекла заслуженное внимание историков. Так, А.Д.Люблинская считала, что «продажа национальных имуществ может послужить своеобразным зеркалом, отразившим многие черты предреволюционной аграрной системы» и «интересную картину перемен, совершившихся за 5—6 лет революции»¹.

Поскольку основой фонда национальных имуществ были земельные богатства, то их перераспределение рассматривалось в историографии главным образом в рамках решения аграрного вопроса². Хотя само возникновение национальных имуществ в 1789 г. в значительной мере было связано со стремлением Учредительного собрания, принявшего на себя старый государственный долг, выйти из вставших перед ним финансовых затруднений, собственно финансовой стороне этого вопроса долго не уделялось должного внимания. Зачинателем серьезного изучения проблемы стал М.Марион³. После выхода в свет его книги появилось много работ и по финансовой истории революции, и по национальным имуществам, но исследование итогов распродажи этих имуществ не нашло должного продолжения. Последней работой, посвященной национальным имуществам, является содержательная статья Е.В.Киселевой, в которой поставлен вопрос о роли национальных имуществ в обогащении буржуазии⁴.

Есть основания вернуться к этой важной теме. Постараемся уточнить роль национальных имуществ в процессе обогащения новой буржуазии, ставшей подлинной хозяйкой в послереволюционной Франции. Для этого определим размеры приобретений буржуа, способы эксплуатации новых владений, их доходность. Исследователи оценивали общее количество и стоимость национальных имуществ лишь приблизительно, поскольку точных данных нет. Все же, рассматривая вопрос о значении национальных имуществ для буржуазии, необходимо их как-то оценить.

К началу революции имуществами церкви, конфискация которых по предложению Талейрана 2 ноября 1789 г. стала началом создания фонда национальных имуществ, составляли 10% всех богатств Франции⁵.

В фонд национальных имуществ первого происхождения (НИ-I), кроме церковных, уже в 1789 г. вошли также коронные владения, значения которых не учитывала Е.В.Киселева. Сколько их было к началу революции, сказать трудно. Здесь тоже еще нет окончательных данных. Доходы от домена были существенной частью доходов королевства. Кольберу удалось поднять домениальные доходы с 80 до 5.540 тыс. Правда, их удельный вес равнялся лишь 2,5% всех поступлений казначейства⁶. В 1739 г. доходы королевства составляли 233.534,9 тыс. ливров, из которых 4195 тыс. от домена⁷ (2%). По данным М.Морино, в конце XVIII в. удельный вес домениальных доходов

оставался на том же уровне (2—2,5%), но с 1775 по 1788 г. они резко возросли и достигли 51,2 млн ливров (10—11%)⁸.

Известно также, что доходы от оценивавшейся в 3 млрд церковной собственности достигали 100 млн ливров, т.е. были в 2 раза больше, чем от собственности короны⁹. Поскольку структура владений церкви и домена схожа (и те и другие включали земельные угодья, промышленные предприятия, замки, дворцы и т.д. и чисто феодальные доходы)¹⁰, то можно считать, что конфискованные и проданные коронные владения были вдвое меньше церковных и могли стоить около 1,5 млрд ливров. По данным А. Собуля, дворянству, духовенству, буржуазии и крестьянству принадлежало 95 % земли, которая была важнейшей частью НИ, таким образом, единственному неучтенному землевладельцу — короне — остаются 5%¹¹. Поскольку структура НИ соответствует хозяйственной структуре страны в целом, то НИ-I достигали 15 % ее национального богатства.

Что касается роста доходов от имуществ короля в последние годы Старого порядка, то, скорее всего, он связан с развитием капитализма на арендованных у короны фермах и промышленных предприятиях.

В ходе революции был ликвидирован феодализм, но вопрос о ликвидации дворянской собственности даже не стоял. Часть этой собственности попала в так называемые национальные имущества второго происхождения (НИ-II), подсчитать размеры которых довольно сложно. Они состояли из имуществ, конфискованных у эмигрантов и осужденных врагов революции.

Дворянство оставалось самой богатой группой населения. Дворянская собственность была значительна на Севере (22 %), в Пикардии и Артуа (32%), на Западе до 60%, менее значительна в Центре, на Юге (15% в Монпелье) и Юго-Востоке¹². В Тулузе дворянство, оставив 11,8% сохранившихся завещаний, передало по наследству 63% всех богатств¹³. Серьезная дифференциация данных по регионам затрудняет определение размеров дворянских владений в целом. По данным А.Собуля, дворянство, составляя накануне революции 1,5% населения (350 тыс. человек), «владело в общей сложности примерно пятой частью земель королевства»¹⁴. Кроме того, «чтобы правильно оценить их богатство, нужно мыслить категориями дохода, как это делали в ту эпоху, а не капитала». По мнению П.Губера, 20—30% доходов страны оседало в карманах дворян, «сюда же надо отнести и значительную часть доходов, идущих от снаряжения кораблей, от откупа государственных доходов и даже от первых крупных промышленных предприятий нового типа»¹⁵; Э.Лябрусс, А.Собуль, Ж.Мейер также отводят дворянству около 1/3 доходов.

Какая же часть дворянских имуществ была конфискована? В департаменте Нор дворянство потеряло 40% своих владений (что составляет 10% общего количества по департаменту)¹⁶. Е.В. Киселева считает, что это самые большие потери дворянства. Очень много НИ-II было на Западе, где дворянское землевладение было наиболее крупным. Так, в департаменте Иль-и-Вилен эмигрировало 25% дворян¹⁷. А.Собуль не определял общие потери дворянства, видимо, из-за приблизительности многих данных.

Сложность заключается также в том, что в фонде НИ-II ока-залось много ротюрной собственности. Еще Д.Грир разоблачал легенду об эмиграции как о бегстве дворян и священников. Разночинцы составляли 51% эмигрантов, а всего, по его данным, Францию покинули 129 тыс. человек¹⁸. Д.Гриру удалось узнать классовую принадлежность 14 тыс. казненных, имущество которых также вошло в НИ-II: 84% принадлежали к бывшему третьему сословию¹⁹.

Пестрота данных затрудняет определение размеров НИ-II. Но об эмигрантских имуществегах есть такое свидетельство, как «эмигрантский миллиард»! После возвращения Бурбонов эмигранты потребовали компенсацию за потерянные имущества и получили испрашиваемый миллиард. Эта сумма дает определенное представление о ценности НИ. Судя по тому, что, пользуясь законом от 27 апреля 1825 г., компенсацию получали и родственники казненных (например, сестры Сен-Жюста²⁰), 1 млрд — это стоимость всех НИ-II. Во всяком случае, НИ-II не меньше миллиарда.

Современники и историки одни только церковные имущества оценивали в 3 млрд ливров. Наши подсчеты коронных имуществ дали цифру 1,5 млрд; таким образом, НИ-I в 4 раза дороже НИ-II. Дадут ли такое соотношение локальные примеры?

Распределение национальных имуществ по регионам крайне неравномерно²¹. В департаменте Нор было конфисковано более 30% земли, в департаменте Эро лишь 4%²². В Эро соотношение НИ-I к НИ-II 5:3; в Нор — 2:1. В Жиронде, напротив, очень много НИ-II (1:2). На Корсике, где владений церкви было не очень много, мы найдем примерное равенство: стоимость НИ-I составляла 1.562.854 фр., а НИ-II — 1.570.617 фр.²³ В дистрикте Ремиремон 5:1, в д'Эпиналь — 3:1²⁴. В дистрикте Силле-ле-Гийом департамента Сарт — 2:1²⁵. Приведенные данные свидетельствуют, что НИ-I значительно превосходили НИ-II. Кроме того, как справедливо отмечала А.Д.Люблинская, «неправильно ограничиваться лишь подсчетом размеров; они могут ввести в заблуждение, если при этом не учитывать качество земли и ее расположение. Большие и цельные (что очень важно!) земельные комплексы с наилучшими почвами и оптимальным соотношением пашен, лугов, пастбищ, лесов и т.п. были только в церковном и новодворянском землевладении»²⁶, т.е. прежде всего в НИ-I. В дистрикте Сан департамента Ионна до 28 вантоза IV года было продано 1972 участка земли, из них 1382 — НИ-I, 590 — НИ-II (5:2)²⁷, при этом надо учесть, что участки НИ-I были крупнее и плодороднее. В департаменте Шер в 10 тыс. из 12 тыс. случаев продавались НИ-I (5:1), а всего из 1052 тыс. продаж национальных имуществ во всей стране к концу IX года 600 тыс. приходились на НИ-I и 452 тыс. на НИ-II²⁸. Но эмигрантские имущества продавались более мелкими участками и даже при завышенной цене²⁹ стоили в 2 раза дешевле, чем участки НИ-I. Все это позволяет считать, что НИ-I в 4 раза превосходили НИ-II. Конечно, НИ-II также представляли большую ценность: около 4% всех богатств Франции, а все национальные имущества (15%+4 %) — около 19%.

Н.М.Лукин оценивал количество проданной земли в 20 — 25% всех земель. Более точно, наверное, сказать: было продано до 20% земель, которые давали не менее 25% всех сельскохозяйственных доходов. Следует согласиться с Е.В.Киселевой: «Революционные события умножили возможность буржуазии в присвоении земель бывших привилегированных сословий. Никогда еще с момента выхода буржуазии на историческую сцену не велись так широко операции по купле и продаже земель»³⁰.

Сколько же буржуазии удалось присвоить? Способ распределения определил результаты. В мае 1790 г. был установлен порядок продажи национальных имуществ. Закон предписывал продавать их с торгов тому, кто больше даст, но крупные имения разрешалось делить, если в совокупности будет получена сумма, не менее той, которую предлагали за все имение в целом. За купленный земельный участок надо было внести в течение двух недель 12% его стоимости (за дом — 20%), остальное — в течение 12 лет. Буржуазия выступила против такого способа продажи, выдвинув соображения финансового порядка. 15 июня 1790 г. в Якобинском клубе де Польверель заявил, что нация, имеющая двухмиллиардный долг, не в состоянии предоставить покупателям столь длительную рассрочку³¹. В Учредительном собрании Пантевиль-Сернон добивался того, чтобы укрепление финансов считалось не следствием «этой операции», а ее принципом. Герцог Ларошфуко-Лианкур пытался отстаивать интересы мелких собственников: «Чем быстрее произойдет эта продажа, тем скорее, без сомнения, даст себя чувствовать облегчение; но как бы настоятелен ни был этот мотив, вы не должны пожертвовать для него другим»³², а именно: увеличением числа покупателей. Но закон от 3—17 ноября 1790 г. не учитывал соображений Ларошфуко. Период рассрочки сократили до 4,5 лет, от дробления имений фактически отказались.

Неудивительно, что буржуазия преобладала на торгах. Появились крупные собственники НИ. Например, прокурор из Вильфранша (Лионнэ) Клод Боннетен 5 и 8 апреля 1791 г. купил поместье, дом и виноградник, оцененные в 23 тыс. ливров, за 54 тыс.; 21 апреля он купил еще один участок земли, а 26 апреля — три из четырех продававшихся, заплатив почти 44 тыс. при оценке их в 19 тыс. Четвертый, самый крупный участок купил за 72 тыс. ливров нотариус из Вильфранша Франсуа Дегранж. Как видим, цены таковы, что крестьян среди покупателей найти очень трудно, а буржуазия активно скупала национальные имущества. К. Боннетен в 1791 г. еще трижды покупал землю³³.

В целом к концу 1791 г. было продано около половины церковных имуществ.

Попытки добиться изменения порядка распределения национальных имуществ еще не раз предпринимались в дальнейшем. После победы восстания 10 августа 1792 г. в

Париже Законодательное собрание по докладу Франсуа де Нефшато приняло 14 августа закон, которым предписывалось дробить имения эмигрантов и выделять небольшие участки беднякам за ренту. Однако этот закон не применялся.

22 января 1794 г. Раффрон, выступая в Конвенте, предложил пустить национальные имущества в продажу мелкими участками по 6 арпанов: «Мне отвечают со всех сторон, что эти имущества должны продаваться с аукциона, чтобы извлечь возможно больше выгоды от продаж для государственной казны... Эта выгода для казны, которую так превозносят, является подлинным несчастьем для общества, если ею достигается лишь то, что мелкий люд лишается возможности добиться благополучия»³⁴. Предложения Раффрона, равно как и многие другие, направленные на наделение землей неимущих, были отвергнуты. Победил «финансовый» подход к вопросу.

Якобинцы законом от 3 июня 1793 г. продлили рассрочку до 10 лет, установив в принципе дробление крупных имений. «Однако следует указать и на непоследовательность якобинского закона... — пишет Е.В.Киселева. — Продажа по-прежнему происходила на торгах, где, как правило, побеждает богатый. Якобинцы не перенесли и места продажи из центра дистрикта в коммуну. Торги и раздел имений велись административными властями дистриктов, относившимися, как правило, враждебно к дроблению. Закон не устанавливал размеры частей, на которые следовало дробить имения... Само положение закона о том, что дробление не должно наносить ущерб цельности хозяйственной единицы, могло толковаться достаточно широко»³⁵. Довольно солидный список слабостей якобинского закона! Что касается последнего обстоятельства, то факты показывают, что местные власти сохраняли крупные хозяйства. Вот некоторые примеры «дробления»: 2 флореаля II года домен Шампренар эмигранта Дебросса, оцененный в 6288 ливров, был продан всего двумя участками: один — за 18.800 ливров торговцу вином и другой — за 2025 — землевладельцу³⁶. Имение разделено очень непропорционально. Другой домен того же Дебросса разделен на четыре участка: самый большой купил кожевник из Боже за 67.500, а три других на сумму около 10 тыс. — местные крестьяне³⁷. Крупные имения либо вовсе не дробились, либо от них «откалывались» незначительные участки, а основная часть продавалась целиком.

НИ-II представляли меньшую ценность, но оценены были дорого. А.Д.Люблинская полагала, что крестьяне отнеслись к покупке эмигрантских имуществ с большой осторожностью. Известно все же, что как раз при их распродаже крестьяне несколько потеснили буржуазию. Даже в Жиронде, где буржуазия, стремясь получить лучшие земли, в целом значительно преобладала, крестьяне сумели кое-что купить. В дистрикте Ла Реоль 1948 журналей купили крестьяне, 2521 — буржуа, в дистрикте Либурн первые — 2848, вторые — 3115³⁸. В дистрикте Шатийон-сюр-Сен департамента Кот д'Ор крестьяне, среди которых, впрочем, как отмечает М.Симоно, были очень богатые люди, составляли 72% покупателей и приобрели 70% продававшейся земли из НИ-II³⁹. Такая же картина наблюдалась в некоторых других областях Франции. Однако даже на распродаже эмигрантских земель крестьяне купили не более половины. Закон от 3 июня был распространен на НИ-I в конце 1793 г., когда большая часть этих земель была уже продана, т.е. 2/3 всех национальных имуществ, и среди них почти все лучшие земли, были распределены на основе закона 1791 г. и с аукциона доставались в основном буржуазии.

После Термидора условия продажи были изменены к еще большей выгоде покупателя, и с этого времени документы вообще не отражают крестьянских покупок. Буржуазия окончательно победила на торгах. На рубеже XVIII и XIX вв. активизировались операции с национальными имуществами в аннексированных департаментах; цена этих имуществ, по оценке Л.Бержерона, достигала 1,3 млрд фр. Здесь среди покупателей были только крупные буржуа: в департаменте Жемапп четверть всех имуществ скупили двое парижских буржуа Пуле и Виктор Боден⁴⁰.

Как пишет в одной из последних работ А.В.Адо, «порядок распродажи созданных за счет церковных, коронных и некоторых других земель обширных „национальных имуществ" практически закрывал к ним дорогу для подавляющего большинства крестьянства»⁴¹.

Каковы же общие итоги распродажи национальных имуществ?

Историки давно об этом спорят. И.В.Луцицкий пытался доказать, что во Франции крестьяне еще до революции обладали большим количеством земли и серьезно увеличили его во время распродажи национальных имуществ. М.М.Ковалевский критиковал его за методы подсчета данных. Так, например, по Тулузскому району Луцицкий подсчитал, что крестьян среди покупателей было почти в 2 раза больше, чем буржуа⁴². «Но зададимся еще другим, не менее существенным вопросом, — писал Ковалевский, — какое количество земли попало в руки каждого из этих классов? Луцицкий оставляет нас в неизвестности на этот счет и довольствуется только заявлением, что крупных скупщиков было 21 человек, или 5%». Но они покупали участки от 500 до 59 журналей. Ковалевский приходил к выводу, что если 59 журналей — это крупная покупка, то остальным 95% покупателей достались крохи, а значит, распродажа не расширила крестьянского земле-владения⁴³. Современные исследования подтверждают правоту М.М.Ковалевского. В Тулузене буржуазия скупила 93,7% всех национальных имуществ⁴⁴.

В дистриктах Бордо и Бург департамента Жиронда, как это можно заключить из данных таблиц А.Матвеевой-Леман, буржуазии досталось 95 — 98% земли⁴⁵. В департаменте Сена и Уаза буржуа, главным образом из Парижа, скупили 6/7 всех земель, в департаменте Гар — 5/6⁴⁶. М.Марион приводит таблицу, где сравнивает покупки НИ крестьянами и буржуа в департаменте Шер⁴⁷. Из нее легко заключить, что уже к концу 1793 г. буржуазии принадлежало 80% проданных имуществ. В департаменте Нор, где крестьянское движение было наиболее активно, крестьянам досталось 50,1%, буржуазии — 49,9% имуществ. Крестьян, купивших свыше 10 га земли, было 1129 человек, или 4,52% всех крестьян-покупателей, но эта верхушка деревни приобрела 34.123 га, или 49,07% всех купленных крестьянами земель. А.Д.Люблинская, цитируя эти данные Ж.Лефевра, сочла необходимым напомнить, что под крестьянами числились и крупные арендаторы. Покупатели мелких участков (менее 1 га) составили 61,81% (15 450 человек), но они купили всего лишь 17,13% всей приобретенной крестьянами земли⁴⁸.

Конечно, крестьянское землевладение несколько укрепилось. Покупать землю у государства было намного легче, чем из рук частных владельцев. Но выгоду от распродажи НИ имели, прежде всего, буржуазия и верхушка деревни. Буржуазия скупила все лучшие земли. Историки сходятся в том, что расположенные вокруг больших городов, связанные с хорошими рынками хозяйства достались буржуазии. Всего же ей перешло не менее 3/4 национальных имуществ.

А.Д.Люблинская считала, что «зеркало» продажи НИ отразило картину сохранения и укрепления зрелых форм капиталистического фермерства в Парижском районе. «Средняя крестьянская собственность тоже укрепилась и расширилась, но все же осталась в пределах средних масштабов. Мелкое крестьянство не получило хорошей земли; ему достались лишь малоценные и небольшие участки»⁵⁰.

В годы революции значительная часть капиталистических хозяйств, которые велись главным образом на королевских, церковных и дворянских землях, была национализирована. Вопрос о дальнейшей их судьбе заслуживает внимания, так как ряд западных историков считает французскую революцию бунтом консервативных слоев буржуазии, победа которых привела к ликвидации передовых хозяйств⁵¹.

Кому достались такие хозяйства?

Накануне революции Парижский бассейн, районы Тулузы и Бордо являлись областями прогрессивного хозяйства. Здесь феодальные поборы составляли незначительную часть доходов дворянства, например в Тулузене — 19%⁵².

В Тулузене и на Юго-Западе (Бордо) буржуазия полностью преобладала на торгах. Есть все основания полагать, что здесь так же, как в Парижском районе, большие фермы достались бывшим арендаторам либо новые владельцы-буржуа продолжали вести на них капиталистическое хозяйство. Если даже некоторые общинные владения были разделены, то тоже на фермы, крупные хозяйства, только другого размера. Лишь часть ферм (особенно во Французской Фландрии) на пахотных землях была поделена⁵³.

Есть примеры, демонстрирующие сохранение и успешное развитие в годы революции капиталистических ферм. Материалы, доказывающие противоположное, нам неизвестны.

А.Собуль привел пример аграрной концентрации в области крупного хозяйства. Ш.А.Томассен, арендатор владений маркиза де Жирардена в Пюизе (деп. Сена и Уаза), к началу революции на правах собственника владел едва лишь 2,5% своего хозяйства. За годы революции он приобрел 74 га из бывших церковных владений, и уже к III году Республики ему принадлежало 78 га. Бывший маркиз де Жирарден не эмигрировал, сохранив свои владения и даже увеличив их за счет НИ. Но после смерти маркизы Жирарден в 1818 г. самый крупный земельный собственник в Пюизе Томассен завершил формирование своего огромного имения покупкой бывшей сеньориальной фермы Жирарденов. «Таким образом, продажа национальных имуществ пошла на пользу только крупным фермерам и буржуа... Крупное хозяйство вышло из революции еще более сильным, чем оно было в 1789 г. Мелкие крестьяне, сумевшие приобрести к концу XVIII века несколько клочков земли и жаждавшие их округлить, не смогли осуществить своего желанья»⁵⁴. Исследование Г-Р.Икни о землях Лиервиля также позволяет сделать вывод о благоприятном влиянии революции на развитие фермерства капиталистического типа. Происходившие из парламентской знати Роберы купили в начале XVIII в. в Лиервиле и стали носить имя Робер де Лиервиль. Они вели капиталистическое хозяйство и, получая большие доходы, расширяли свои владения (в 1725 г. им принадлежало 51,4 % всей земли Лиервиля, а в 1791 г. — до 71%). Сеньоры Роберы не эмигрировали и несколько округлили свои владения за счет НИ (до 79,3%). Укрепившись за годы революции, они, так же как и Томассен, смогли в дальнейшем еще более увеличить свои земли: с 1811 по 1834 г. они произвели 73 покупки на сумму в 130 тыс. фр.⁵⁵

Таким образом, тезис о ликвидации передовых хозяйств не получает подтверждения.

В.И.Ленин называл распродажу национальных имуществ «мерой архибуржуазной, чисто буржуазной и безусловно укрепляющей буржуазные, т.е. капиталистические, отношения производства»⁵⁶, давая тем самым классовую характеристику этому явлению и подчеркивая его большое значение для утверждения капитализма во Франции.

Буржуазия охотно покупала НИ и приобрела львиную их долю. Как эксплуатировались новые владения?

Земельные имущества использовались разнообразно. Так, из Мертского департамента комиссары Конвента Кутюрье, Филипп Рюль и Денуэль докладывали: «Накопляется сугубое недовольство при виде того, как компанией вампиров приобретаются национальные имущества, а затем перепродаются в розницу с колоссальным барышом»⁵⁷. Дело в том, что арпан маленького участка стоил гораздо дороже, чем арпан большого. Например, в дистрикте Френей-сюр-Сарт цена участка менее журнала в среднем составляла 1415 ливров, а за каждый журнал участков более 100 журналей — 400, т.е. в 3,5 раза меньше⁵⁸. Крупные имения стоили так дорого, что крестьяне к ним и подступиться не могли (ассоциации покупателей были запрещены). Обладая абсолютным финансовым превосходством, буржуа скупали земли, а затем перепродавали. Поскольку при этом покупатели не получали от спекулянтов никаких льгот, то барыши были действительно колоссальными. Спекуляции были так выгодны, что заниматься ими приезжали даже иностранцы.

Тем не менее многие земли оставались в руках первых покупателей. Доходы от их сдачи в аренду или от самостоятельно эксплуатируемой фермы постоянно возрастали.

Пример руководителя Комитета финансов Ж.Камбона, уделявшего НИ много внимания и призывавшего буржуа покупать их⁵⁹, может помочь определить доходность новых владений. Камбоны много покупали, самые крупные (совместные) приобретения — это имение Терраль, купленное в 1791 г. и оцененное в 131.600 ливров, и владения Мальтийского ордена, купленные в 1793 г. за 274 тыс.⁶⁰ Известно также, что основанная Камбонами в 1785 г. компания с 1785 по 31 декабря 1792 г. принесла 256.126 ливров чистого дохода, т.е. в среднем 32 тыс. в год, на начальный капитал 400 тыс. ливров⁶¹. Прибыль — 6,5% — была высокой.

За годы революции Камбоны понесли финансовые убытки. 800 тыс. ливров, вложенные в торговлю с Вест-Индией, были утрачены, по словам Ж.Камбон, «из-за революции в колониях, несчастий в Сан-Доминго и прекращения морской торговли»⁶². Введение твердых цен — максимума привело к снижению стоимости товаров на складе на 60 тыс. Вандейцы разгромили летом 1793 г. мануфактуру Камбонов в Шоле. Убытки составили более 40 тыс. ливров⁶³. Итого: 900 тыс. Здесь же надо учесть расходы на покупку НИ (даже при снижении фактической стоимости в результате падения ассигната это не менее 70 тыс.) и модернизацию имения — 170 тыс. Последний «добровольный расход показывает, как велики были надежды на прибыли»⁶⁴. Кроме того, Камбоны относительно аккуратно платили налоги и подписывались на займы. Проблемы оказались столь серьезными, что в 1794 г. они приступили к ликвидации своего коммерческого дома.

Конечно, Камбоны имели и определенные доходы. Жозеф как депутат Конвента должен был получать в год более 6 тыс. Сохраняли Камбоны и некоторые коммерческие доходы. Р.Арно приводит данные об «удачных аграрных операциях» Камбона, но сведения об этих поступлениях очень глухи. Наибольшую активность Камбоны проявляли в использовании купленных имений. Так, в конце 1792 г. они предоставляли кредиты на покупку произведенного в Террале зерна⁶⁶. Сам факт приобретения новых владений из фонда НИ в самый критический для них момент — 1793—1795 гг. — свидетельствует о том, что Камбоны связывали свои надежды именно с НИ. По данным Ж.Сомада, оспаривающего, в частности, утверждение Р.Арно о нужде Камбонов в 1795 г., «революция не обогатила Камбонов. Если они не были обогащены, то не были и разорены. Правильнее сказать, что коммерческие потери, удвоенные революционными законами (это преувеличение, ибо, по данным самого Ж.Сомада, потери от революционных законов, от введения максимума составили 60 тыс. ливров, т.е. менее 7% всех потерь. — С.К.), были, безусловно, компенсированы покупкой национальных земель»⁶⁷.

Неоднократно выдвигавшиеся в ходе революции предложения использовать НИ для решения социальных проблем неизменно отвергались ввиду финансовых трудностей. Распродажа прошла успешно. Дала ли она ожидаемые средства для погашения государственного долга? Камбон, Рамель и другие «финансисты» вели упорную борьбу с долгом и заметно его сократили, но роль доходов от продажи НИ в этом невелика. Государство получило всего лишь 10% их реальной стоимости!

Таким образом, 90% НИ, т.е. около 17% национального богатства Франции, достались новым владельцам даром. Это явилось результатом невиданной до тех пор инфляции. Ассигнат, обеспечением которого должны были служить НИ, быстро терял ценность. При этом рассрочка платежа приводила к снижению цены. Именно данное обстоятельство было использовано покупателями НИ. Причем крестьяне стремились расплатиться побыстрее, исторически обусловленный страх перед ростовщиками побуждал их не использовать полностью отсрочку платежа. Буржуазия, используя отсрочку, сумела выиграть на понижении стоимости ассигната: благодаря инфляции около 15 % национального богатства было ей передано в исторически ничтожный срок. Полученные капиталы буржуазия смогла использовать для новых приобретений.

По подсчетам Ж.Санту, в Тулузе национальные имущества составили 76% всех приобретенных за годы революции богатств, но обошлись они лишь в 26% суммарных расходов на приобретения⁶⁸. Благодаря тому что обошлись НИ очень дешево, а доходность их была высокой, тулузская буржуазия прикупила еще значительные имущества у частных лиц. В первые же годы революции началось разорение целых слоев населения. Многие дворяне и буржуа Старого порядка вынуждены были продавать свое имущество. Исчезли привилегированные прослойки буржуазии: откупщики налогов, владельцы плантаций в колониях, монополисты-торговцы и т.п. Кто не смог компенсировать потерь, был деклассирован. Однако большая часть буржуазии воспользовалась событиями революции к своей пользе. Сформировалась новая буржуазия из многочисленных групп буржуазии дореволюционной Франции, обуржуазившегося дворянства и разбогатевшей верхушки деревни.

Инфляция фактически привела к тому, что буржуазия завладела огромной частью тех капиталов, которые могли позволить ликвидировать государственный долг. Происходившего не мог не понимать Камбон. Нельзя сказать, что никаких мер для обуздания инфляции не принималось. Но Камбон не пытался заставить покупателей платить за НИ ассигнатами в их реальной стоимости. Как считают А.Собуль и В.Г.Ревуненков, Камбон «энергично и целенаправленно проводил политику инфляции»⁶⁹, которая давала Республике необходимые для обороны средства и обогащала буржуазию.

Буржуазия поживилась на поставках армии, на спекуляциях продовольствием и т.п., но покупка НИ стала наиболее мощным средством обогащения чрезвычайно широких слоев буржуазии. Покупка НИ защитила от разорения многих буржуа и тем самым раздвинула рамки новой буржуазии. Наконец, доля доходов от этих имуществ в совокупных доходах буржуазии была исключительно велика. Никакие поставки и спекуляции не могли дать буржуазии 15% национального богатства страны.

Эти богатства были присоединены к прежним, дореволюционным. В новый господствующий класс, обогатившись, влились группы средней и мелкой буржуазии города и деревни, а также часть сохранившего свою собственность дворянства. Среди богатейших парижских буржуа Империи было много разбогатевших на НИ⁷⁰. Наполеоновская «элита» левого берега Рейна также разбогатела на этих имуществях⁷¹.

Л.Бержерон и Г.Шоссинан-Ногарэ руководят очень интересным изданием о наполеоновской знати. Пока опубликованы материалы по южным и юго-восточным департаментам Франции, где НИ было не очень много. Но даже здесь уже в XIX в., когда среди крупнейших собственников появились наполеоновские чиновники и офицеры (а также вернувшиеся дворяне), буржуа, создавшие свои состояния на НИ (мелкие покупки учитываются очень редко), составляли не менее четверти имперской элиты. Не случайно неприкосновенность бывших НИ гарантировалась всеми режимами (от термидорианской конституции III года до Хартии Людовика XVIII).

Буржуазия завладела большей частью богатств Франции, но лишь благодаря национальным имуществам она сумела так значительно и в столь сжатые сроки расширить свои владения. Национальные имущества явились основой, на которой выросли состояния новой буржуазии.

1. Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. Л., 1978. с.228, 230.
2. См.: Лучицкий И.В. Вопрос о крестьянской поземельной собственности во Франции и продажа национальных имуществ. Киев, 1894; Ковалевский М.М. Вопрос о крестьянской собственности до революции и о том, в чьи руки перешла масса конфискованной у церкви земли // Русская мысль. 1896. № 8.
3. Marion M. La vente des biens nationaux pendant la R?volution fran?aise. P., 1908.
4. Киселева Е. В. К вопросу о продаже национальных имуществ // Французский ежегодник, 1974. М., 1976.
5. Soboul A. Pr?cis d'histoire de la R?volution fran?aise. P., 1961. p.27.
6. См.: Люблинская А.Д. Франция при Ришелье: Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982. с.40.
7. ЦГАДА. Ф.1281. Оп.1. Д.1793. Л.2. Ведомость о доходах и расходах французского короля в 1739 г. сравнительно с предыдущим пятилетием. Копия (на фр.яз.).
8. Morineau M. Budgets de l'Etat et gestion des finances royales en France au dix-huti?me si?cle//Revue historique. 1980. p.314—315.
9. Саньяк Ф.Гражданское законодательство Французской революции. М., 1928. с.134 (полный текст в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/sagniac_loi.htm); Furet F., Richet D. La R?volution fran?aise. P., 1973. p.29.
10. Olivier-Martin Fr. Histoire du droit fran?aise des origines ? la R?volution. P., 1984. p.315, 580.
11. Soboul A. Op.cit. p.23, 26—27, 32, 44—45.
12. Ibid. p.23.
13. Sentou 1. Fortunes et groupes sociaux ? Toulouse sous la R?volution fran?aise, 1789—1799. Toulouse, 1969. p.151.
14. Soboul A. Op.cit. p.23.

15. Губер П., Мейер Ж. Проблемы дворянства в XVII веке. М., 1970. с.5—6.
16. Lefebvre G. Les paysans du Nord pendant la R?volution fran?aise. 2 ?d. Bari, 1959. p.557.
17. Dupuy R. Capitation nobiliaire et ?migration en Ille-et-Vilaine (1789—1793) // Noblesse francaise. Noblesse hongroise, XVI—XIX si?cles. Budapest; P., 1981. p.97.
18. Greer D. The incidence of the emigration during the French r?volution. Cambridge, 1951. p.111.
19. Greer D. The incidence of the Terror during the French r?volution. Cambridge, 1935. p.161 — 163.
20. Dommange M. Saint-Just acqu?reur de biens nationaux dans le Noyonnais // R?volution fran?aise. 1922. t.14. p.425.
21. Lefebvre G. La vente des biens nationaux // Lefebvre G. Etudes sur la R?volution fran?aise. P., 1954.
22. Gallix M. La vente des biens nationaux pendant la R?volution dans les Districts de Montpellier et de Lodev?. Montpellier, 1951. p.47, 100—105, 107—109; Cambon p. La vente des biens nationaux pendant la R?volution dans les Districts de B?ziers et de Saint-Pons. Montpellier, 1951. p.67, 144—152.
23. Casta F.-J. La vente des biens du clerg? // AHRF. 1974. N 218. p.646, 670-671.
24. Documents relatifs ? la vente des biens nationaux: District de Remiremont / Publ. par L. Schwab. Epinal, 1913. p.XXI; Documents... District d'Epinal. Epinal, 1911. p.XLII.
25. Lefebvre G. La vente des biens nationaux. p.243.
26. Люблинская А.Д. Французские крестьяне... С. 226.
27. Documents relatifs ? la vente des biens nationaux. District de Remiremont p.XXI; District d'Epinal. p.XLII.
28. Marion M. Op.cit. p.218.
29. Люблинская А.Д. Французские крестьяне... С. 229.
30. Киселева Е.В. указ.соч. с.190.
31. La Soci?t? des Jacobins. In: 6 t.P., 1889—1897. T 1 P 171
32. Саньяк Ф. Указ. соч. с.148—149.
33. Documents relatifs ? la vente des biens nationaux. Lyon, 1906. p.306—307, 311—312, 324—325, 347, 354—355.
34. R?impression de l'ancien Moniteur. In: 31 t.P., 1847—1850. t.19. p.282.
35. Киселева Е.В. указ.соч. с.193.
36. Разница в цифрах объясняется тем, что на торгах цены поднимались выше оценочной.
37. Documents... Lyon, 1906. p.380.
38. Marion M. Op. cit. p.197—198.
39. Simonot M. La vente des biens nationaux de deuxieme origine (district de Chatillon-sur-Seine, Cote d'Or) // AHRF. 1980. N 239. p.216—220.
40. Bergeron L. Banquiers, n?gociants et manufacturiers parisiens. In: 2 t.P.; Lille 1975. t.1. p.437, 429.
41. Адо А.В. Крестьянство в европейских буржуазных революциях XVI — XVIII вв. // Новая и новейшая история. 1983. № 1. с.68.
42. Лучицкий И.В. указ.соч. с.27.
43. Ковалевский М.М. указ.соч. с.128—129.
44. Sentou J. La fortune immobiliere des toulousains et la R?volution fran?aise. P., 1970. p.171.
45. Матвеева-Леман А. Участие города Бордо в продаже национальных имуществ // Николаю Ивановичу Карееву. СПб., 1914. с.189, 191 — 194.
46. Ревуненков В. Г. Очерки истории Великой французской революции: Падение монархии. Л., 1982. с.115.
47. Marion M. Op.cit. p.77.
48. Lefebvre G. Les paysans du Nord... p.453.
49. Lefebvre G. La vente des biens nationaux. p.232; Gallix M. Op.cit. p.28; Mazauric C. El?ments pour un d?bat: La bourgeoisie, groupe social profiteur de la R?volution ou classe dirigeante et classe dominante dans la R?volution? // Die Franz?sische Revolution — zufalliges oder notwendiges Ereignis' Munchen et al., 1983. t.2. S. 120—121.
50. Люблинская А.Д. Французские крестьяне... С. 230.
51. Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge 1965 p.169—170.
52. См.: Пименова Л.А. Дворянство Франции ко времени Французской революции конца XVIII в. (по материалам современных исследований) // Вестн. МГУ. Сер. 8. 1982. № 4. с.54.
53. Люблинская А.Д. Французские крестьяне... с.240.
54. Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1783—1794 годов и революции 1848 года во Франции. М., 1960. с.268.

55. Ikni G.-R. La terre de Lierville de 1715 ? la R?stauracion // Contribution ? l'histoire paysanne de la R?volution fran?aise. P., 1977. p.271 274
56. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 13. с.15.
57. Французская революция в провинции и на фронте: (Донесения комиссаров Конвента). М.; Л., 1923. с.8.
58. См.: Спильоти Н.М. К вопросу о продаже национальных имуществ. Киев, 1897. с.72.
59. Saumade G. Cambon et sa famille acqu?reurs des biens nationaux // AHRF. 1939. N 93, 94. p.313—324.
60. Ibid. p.235.
61. Bornarel F. Cambon et la R?volution fran?aise. P., 1905. p.2.
62. Saumade G. Op.cit. p.236.
63. Bornarel F. Op.cit. p.2(2).
64. Saumade G. Op.cit. p.235—237.
65. Arnaud R. La d?bacle financiere de la r?volution. Cambon, 1756—1820. P., 1926. p.306—308. р.Арно пишет о покупке Камбонами двух национальных доменов — Лонак и Сен-Жан де Клапас — совместно с Тандоном и Базилем. Затем, по его же данным, Камбон купил земли в VI году в Капельно де Гар и в VIII году там же — виноградники. Однако документы о продаже НИ в департаменте Эро фиксируют только продажу домена Сен-Жан де Клапас Франсуа Тандону. В VIII году в дистрикте Монпелье торгов вообще не было. См.: Gallix M. Op.cit. p.52—74.
66. Saumade G. Op.cit. p.234.
67. Ibid. p.335.
68. Sentou 1. La fortune immobiliere des toulousains... p.175.
69. Ревуненков В. Г. указ.соч. с.224.
70. Daumard A. La bourgeoisie Par?sienn'e de 1815 ? 1848. P., 1963. p.295—296.
71. Dufraisse R. «Elites» anciennes et «?lites» nouvelles dans les pays de la rive gauche du Rhin ? l'?poque napol?onienne // AHRF. 1982. N 248. p.253.
72. Grands notables du premier Empire. In: 6 t.P., 1978—1980.

См. также: Е.Киселева, «Политика якобинской диктатуры в области регламентации торговли и промышленности весной-летом 1794 года»; В.Гавриличев, «Якобинцы и принудительные налоги на богатых (весна—осень 1793 года)». В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p62843452.htm#>

Ссылки на важнейшие материалы о Камбоне: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>.